

18+

Игорь Сдобников

Ожившие Мертвецы

Начало

Игорь Сдобников

Ожившие мертвецы. Начало

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сдобников И. А.

Ожившие мертвецы. Начало / И. А. Сдобников — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06465-2

Неизвестный вирус уничтожает человечество, превращая людей в зомби. Города разрывает от хаоса, выбрасывая на дороги обезумевших выживших и ходячих мертвецов. Бригада рабочих пробирается сквозь агонию умирающего мира с Крайнего Севера на материк к своим семьям. Лоск цивилизации стерт, выбросив наверх первобытные инстинкты. И главное не превратиться в нелюдя до того, как ты станешь ожившим мертвецом.

ISBN 978-5-532-06465-2

© Сдобников И. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава первая. Восьмеро с северной вахты.	5
Психолог	25
Глава вторая. Дорога с севера.	30
Психолог	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава первая. Восьмеро с северной вахты.

Заполярье. Вокруг бескрайняя снежная пустыня, ледяная степь, прерия – кому как угодно, тот так и назовёт. Солнце, отражаясь от снега, ярким ножом резало по глазам. Миша, прищурившись так, что недоразобранный скелет буровой вышки слился в сплошную серую полосу, направился от жилого блока к складу. Недели полторы уже никто из вахтовиков не работал, и четыре дня никто толком ничего не ел, поэтому и без того тяжёлый тулуп вовсе давил к земле.

Полярное солнце в апреле уже начинает пригревать, на складе же холод будто законсервировался и не хотел отступать. Рука привычно потянулась за выключателем и замерла на полпути, Миша вспомнил, что свет позавчера отрубили ради экономии дизеля в генераторе. Глаза привыкли к полумраку, Миша шагнул к стеллажу недалеко от входа, двинул в сторону пластмассовую коробку с торчащей из неё монтировкой, пошарил на ощупь в темноте, достал спрятанный, едва початый сигаретный бычок. Он сбросил тулуп на пол, с удовольствием почувствовав лёгкость в теле, сел, прислонившись к стеллажу, чиркнул зажигалкой, прикуривая. Ядовитый дым проник в лёгкие, разгладив в голове беснующиеся мысли. Нирвана.

В столовом блоке в это время шёл скандал, от которого, в общем-то, Миша и ушёл, предпочитая не вмешиваться и предоставить разбираться бригадиру Юрию Санычу Бетке, строгому сильному пятидесятилетнему мужику, потомку поволжских немцев.

Всего в бригаде их было восемь: Юрий Саныч, Серёга Попов, он же Доктор, Витя Михайлов, Лёха Редькин, Олег Варламов, он же Инженер, Саня Лапшунов, Фархад повар, то ли татарин, то ли башкир, и он, Михаил Мякинин, тридцати двух лет от роду, бывший старший оперуполномоченный уголовного розыска и позже отдела экономической безопасности, судимый и теперь бурильщик. Завезли их сюда на остров Сенгейский в начале декабря, в самую стужу и начинающуюся полярную ночь разбирать буровую станцию. По «легенде» – как по оперски окрестил Миша историю, которую им рассказали вербовщики – геологоразведка сообщила об обнаружении нефти на Сенгейском и силами нефтяной компании там построили буровую вышку. До нефти в итоге не добурились – ошиблась геологоразведка – и теперь вышку надлежало разобрать. Если честно, Миша не очень-то верил в «легенду», скорее всего нефтяники как обычно «освоили» народные деньги. Обнаружение нефти было обычной ширмой для воровства и вывода денег на зарубежные счета.

Впрочем, никому до этого не было дела: всем хорошо платили, чтобы они крутили гайки, таскали железки. Из настоящих бурильщиков был только Саныч, он-то точно обо всём знал, или догадывался, но держал рот на замке.

Раз в неделю из Нарьян-Мара к ним приезжала «вахтовка» – это крашенный в оранжевый цвет «Камаз» с оранжевой же будкой на хребте. «Вахтовка» почему-то была всегда немытая, наверное ещё с осени, и напоминала чумазый апельсин, вытщенный из лужи. Она привозила в основном еду, иногда что-нибудь иное, необходимое для работы и жизни. «Вахтовку» встречать вылезали все: хоть какое-то развлечение в этой пустыне. Сбрасывая груз, «Камаз» разворачивался, призывно поводя оранжевыми боками, и не одному Мише хотелось унырнуть в тёплую будку да рвануть в маленький, но красивый и яркий как пряник Нарьян-Мар.

Пять недель назад «вахтовка» не приехала. А за два дня до этого полностью вырубилась связь: и спутниковый телефон, и рация. На такой случай в неприкосновенном запасе хранились мясные и фруктовые консервы, которые удалось растянуть на некоторое время. Примерно неделю назад в том, что не приедет «вахтовка» уже никто не сомневался. Работа затухла сама по себе, Саныч, понимая, что давить на звереющих людей не стоит, молчал.

Утро началось также мрачно, как и последние четыре голодных дня. Фархад достал мясную говяжью консерву, разложил по восьми тарелкам, положив каждому ещё по замёрзшему

мочёному яблоку и ржаному сухарю. Семь истончившихся обросших бородами и щетинами лиц с угрюмым молчанием наблюдали за этим.

– Газ кончается, – сообщил Фархад, смотря в сторону Саныча, – нужно к генератору подсоединяться.

– Лишнее топливо пойдёт и так бензина ограничено, – заметил Инженер Варламов.

– С крана слей со своего, – ответил Лёха Редькин. Варламов, кроме того, что мог всё починить, работал ещё на кране.

– С тобой сливали, – снова сказал Инженер, с хрустом раскусывая сухарь.

– Значит, не долили! – повысил голос Лёха, бросив со звоном на стол вилку. Редькин – молодой, двадцати четырех лет от роду задира из Шатуры, хамло и отморозок, любитель блатной романтики, всё время изображающий из себя матёрого урку, но ни разу не сидевший на зоне, однако, по его словам, имеющий за спиной множество административных протоколов за пьянки и драки.

– Тихо, тихо! – повысил в свою очередь голос Саныч. – Разберёмся!

– Разберёмся, – передразнил Бетке Лёха, – тоже мне «бугор»! Твоя обязанность условия нам создавать.

Саныч хотел было ответить, но смолчал, решил, видно, не затевать спор: пусть пошумит, да поутихнет. Но Редькин завёлся и успокаиваться не собирался. Посмотрел на Фархада:

– Ты чего-то жрёшь без аппетита. Схромал же свой запас сегодня, а? Чего башкой трясёшь? Все, вон, хуеют, а ты нет. Как так, поясни?

– Отстань, Лёха, – сказал Витёк Михайлов, судимый то ли за разбой, то ли за убийство и поэтому единственный, кого по-настоящему уважал Редькин, – повар – мужик с понятиями.

Фархад благодарно посмотрел на Витька.

Какое-то время Лёха молча поедал скудный завтрак, пока не опустела тарелка. Снова обвёл мрачным взглядом вахтовиков. Напротив на свою беду оказался Саня Лапшунов, тихий образованный сорокалетний мужик, когда-то окончивший Бауманку, но нигде себя в жизни так и не нашедший, поэтому и батрачивший сейчас в Заполярье.

– А ты чего, ботаник?!

– Ну хватит! – рявкнул Бетке. – Тебе чего, домотаться не до кого? Энергии много, так иди вышку разбирай!

– Сейчас, ага! Ты меня накорми сначала.

– А Лёха прав, бригадир, – поддержал Редькина Витёк, – снегоход у нас есть, карабин – у тебя. Дай нам его, кого-нибудь, да подстрелим. Нельзя на медведя ходить, так у нас вынужденная необходимость – есть такая статья в уголовном кодексе, отмажемся.

Карабин действительно был. Но не для охоты, а как раз на случай, если вдруг белые мишки придут и начнут безобразить. Такое случалось редко, но оружие могло пригодиться. Карабин Саныч держал в тяжёлом засыпном сейфе, а ключ прятал.

Прежде, чем Бетке ответил, подал голос Варламов:

– Медведи тебе что: косяками ходят? Горючку без толку истратите, её и так нету.

– Заглохни, Инженер! – взбеленился Редькин.

Миша отложил вилку рядом с опустевшей тарелкой, поднялся. Железные ножки стула проскрипели по кафельным плитам. Он не собирался участвовать в прениях и захотел уйти.

– Ты куда, ментяра?

– Иди на хрен, – послал Миша Редькина. Таких как Лёха он навиделся в уголовном розыске: стоит их задержать по жёсткому, а в отделе ещё мешком с песком по почкам двинуть, так борзота с них слетает настолько, что они становятся скулящей противоположностью тому, кем были. Миша больше даже презирал Редькина, чем ненавидел его, поэтому, видя, что тот встаёт, двинулся ему навстречу, намереваясь с удовольствием дать ему в рожу – давно накопило. Между ними встал Бетке, возвышаясь над каждым почти на голову.

– А ну, сидеть! – огромной лапой он хлопнул Лёху по плечу, усадив его на стул. Мякинину сказал:

– Иди, Мих, прогуляйся!

Мякинин вышел на улицу, постоял, втягивая ноздрями суховатый холодный воздух всё ещё зимней тундры. Захотелось курить, но тут же отмёл эту мысль: бросил три года назад, нечего и начинать снова. Ничего, скоро расчёт и домой, от этого стало спокойнее. Думалось: вот где-нибудь в Европе или в США даже на черновые работы в таких условиях наверное подбирают психологически совместимых людей. Тут же набрали сброд и неудачников – лишь бы подешевле. Того же Лёху Редькина работать заставляла не столько зарплата и Саныч, сколько доведённая до него информация, что олигархам, кому принадлежит вышка, правила не писаны, разбираться по закону и каким-то «понятиям» они не будут: вывезут в тундру и пропадёт человек. Не сами, конечно, а их «солдаты». Таких мразей как Лёха только страх работать заставит. Даже тяжёлые условия и вынужденное отшельничество на краю земли не сблизили с Редькиным никого, кроме Витька.

Когда Миша зашёл, было ещё шумнее, но, в основном, от смеха вахтовиков и довольного рёгота Редькина.

– Будешь спички доставать, мент? – спросил его Лёха. – Нас пятеро: Док – неприкасаемый, а бригадир здесь нужен за порядком смотреть.

– Мы решили выбрать двоих, кто в Нарьян-Мар поедет, – пояснил Саныч удивлённому Мише, – кто вытянет короткую спичку – тот и в путь. Правы, ведь мужики, Миша, «апельсина» месяц нет, связь заглохла. Вдруг НАТОвцы напали?

Про НАТО Бетке то ли пошутил, то ли всерьёз сказал, но никто не улыбнулся.

– Рассаживайтесь!

Никто не сел, наоборот, все теснее полукругом стоя облепили обеденный стол, напротив них стоял бригадир. Саныч зажал в открытой ладони большим пальцем пять спичек, протянул ладонь над столом.

– Оп! – Редькин первый схватил спичку из середины, никто и не сомневался в том, что он полезет первым, потому и не тянулся. Спичка была короткой, Редькин заподплясывал на месте:

– Давай, Витёк, тяни! В город поедем, бухла возьмём, тёлок снимем!

– Вот, блин! – вырвалось у Лапшунова, он явно не хотел ехать с Лёхой, если вдруг ему выпадет жребий.

– Давай, Санёк, подержись за хоботок! – Витя Михайлов улыбался во весь рот. Если интеллигент поедет с Редькиным, то, значит, Витёк не зря ради такой забавы голодал эти дни. Улыбка слетела с него, когда Лапшунов вытянул длинную. Короткая не досталась также Фархаду.

– А теперь – суперигра! – прокомментировал Михайлов и потянулся к спичкам, подмигнув Лёхе.

– Не подведи, братан! – отозвался тот.

Витя потащил спичку, рассмотрев её, засмеялся. Рожа Редькина с редкой, торчащей в стороны бородой, вытянулась.

– Эй, вы чё, в натуре?! Это ж беспредел! Я не поеду с ментом!

– Это судьба, Лёха! – сквозь смех сказал Михайлов. – К тому же мент в отличие от тебя зону потоптать успел, хоть и красную. Глядишь, чему-нибудь научит по дороге!

Нет, определённо для Витька было весёлое утро.

– Ну вас! – махнул рукой Лёха и шагнул в сторону прохода, ведущего в раздевалку.

– Итак...

Саныч посмотрел на кухонные настенные часы.

– Сейчас половина одиннадцатого. Олег Евгеньевич, аккумулятор на снегоходе заряжен?

– Месяц назад зимник укатывали, с тех пор один раз на полчаса ставил, – наморщив лоб, ответил Инженер, – если и заряжать, то минут сорок, не больше.

– Значит, через час можно выезжать, – заключил Бетке. – До города по прямой – сто двадцать километров, по зимнику – все сто восемьдесят. Бензина хватит?

Инженер кивнул.

– Ну, Михаил, иди, собирайся. Ты за рулём, ты старший.

Саныч, как в театре, выдержал короткую паузу, отческим голосом добавил:

– Не шалите по дороге, тундра шуток не любит...

Бригадир посмотрел в сторону Инженера, обжёгся об его пронзительный, поведённый печалью взгляд. Ни он, ни Бетке никому не сказали, что спутниковую трубу они не слышали больше недели, а рация, за два дня, как замолчать, отчаянно хрипела и сквозь эфирные помехи и злые матюги по ту сторону, выдала только два разборчивых слова: «вирус» и «конец», как в каком-нибудь триллере. Но в киношные сюжеты никто из них не верил.

***

Когда-то Миша представлял себе замёрзшую тундру как огромное заснеженное ровное озеро, ну или почти ровное поле. И он никогда не думал, что тундра может и вправду напоминать степь: всхолмленную, прорытую балками и оврагами. Обходя их, вился наезженный зимник, по которому, урча, стелился снегоход «Росомаха», на котором в чёрных тулупах, унтах, ветрозащитных шерстяных масках, в народе именуемые «балаклавы», и пластиковых солнечных очках ехали вахтовики. Лёха перед отъездом завёл плеер, который с любезного разрешения Саныча заряжал в его ноутбуке, поэтому не мешал с разговорами, иногда вскрикивая на поворотах: «Полегче, не дрова везёшь!».

В город заезжали с восточной стороны, как советовал Бетке: оттуда недалеко до улицы Ленина, где располагался офис компании, их нанявшей. В город советовали на снегоходе не заезжать, ибо неизвестно, как к этому местные отнесутся – здесь свои порядки. Может и разрешено, но город небольшой и можно прогуляться, благо морозов сейчас особо нет. «Росомаху» оставили недалеко от ДЮСШ, уютно пристроив его рядом с крайним к порту домом. Лёха показал в сторону спортивной школы, сумничал:

– Глянь, все окна на первом этаже заколочены. Знаешь зачем? От медведей. Как-то белый медведь в школу забрался, не здесь вроде, так детей подрал.

– Угу, – согласился Мякинин, кидая ключи от снегохода в глубокий карман тулупа, – пошли.

Снег хрустел под ногами, Редькин ворчал:

– С последнего снегопада больше недели прошло. У коммунальщиков забастовка что ли?

Гул в голове начал проходить (больше трёх часов ползли как-никак!) и только сейчас Миша начал понимать, что его так напрягло: было тихо, не хлопали двери, не гомонила ребятня, радуясь относительно для здешних мест теплу, не слышно было автомобилей. Улица за ДЮСШ была также заснежена, истоптана хаотичными тропами. Местами две или три тропы шли рядом, будто кто-то «прочёсывал» улицу. Мужики разом остановились, вертя головами: в некоторых домах были выбиты стёкла, иногда вместе с рамами, машины стояли с холмиками снега на крышах, посреди улицы чернел остов сгоревшего грузовика, марку которого определить теперь было тяжело.

– Что здесь случилось? – спросил Миша то ли у себя, то ли у Лёхи.

– Ураган был наверное, – ответил Редькин, которому были не знакомы законы природы в их географических территориях. Закатав вверх маску, обернулся к Мякинину:

– Куда нам, прямо? – и сам ответил:

– Пойдём, там разберёмся. Лишь бы бабки заплатили, а то на стихийное бедствие всё спишут.

Миша, чувствуя неясную тревогу, пошёл за Редькиным.

На труп они набрали метрах в ста от улицы Ленина, он лежал рядом с торговым центром, ко входу которого был сметён длинный и высокий сугроб, доходивший почти до второго этажа, бульдозер, которым этот сугроб собирали, сиротливо стыл неподалёку с грустно опущенным к низу отвалом.

– Мокруха, – заключил Лёха, подойдя и посмотрев на труп. Миша, аккуратно сметя снег с убитого, с профессиональным интересом начал его рассматривать. Покойнику было снесено полчерепа и, видимо, с близкого расстояния и явно из «огнестрела», нижняя часть лица, включая нос, сохранилась хорошо, если так можно было сейчас сказать.

– Не нравится мне это, – задумчиво протянул он, но Лёха не слышал, он ушёл куда-то в сторону.

Мякинин в свою бытность в уголовном розыске насмотрелся всяких покойников: убитых холодным и огнестрельным оружием, искромсанных топором, и даже забитых насмерть предметами для убийства не предназначенными, типа кастрюлей с варившейся в ней картошкой. Но настораживало его не столько оставшиеся всего полголовы, опухшие, гнилые как после цинги дёсна, из которых торчали кривые зубы, а столько то, что труп с прорехами в грязной одежде, был покрыт тёмными пятнами, как будто пролежал где-то в могиле, а потом был выкопан, что в сегодняшних условиях Заполярья было невозможно и потому покойник выглядел экзотично, как индеец сиу в боевой раскраске в центре редькинской Шатуры. Впрочем, труп мог лежать где-то в тепле, потом был подброшен сюда. Тогда откуда тёмно-бурые комья снега, разбрызганные там, куда должны были лететь мозги после выстрела? Снегом они почти не занесены, как и труп, значит, убийство произошло как максимум не больше недели назад.

Из раздумья вырвал окрик Редькина:

– Эй, агент ФБР! Хватит там жмурика разглядывать, иди сюда лучше!

Лёха большим чёрным вороном угнездился на белом сугробе, и смотрел по ту его сторону вниз, где должен был быть вход и витрины. Не успел Миша забраться на снежную гору, как Лёха вылез из сковывающего движения тулупа и начал спускаться к разбитому входу, а точнее к витрине, от которой остались только торчащие из боковых рам корявые зубья стёкол.

– Статья сто пятьдесят восьмая – кража! – прокричал вслед Редькину Мякинин.

– Кража – это когда умысел выгоду получить, а у меня вынужденная необходимость – есть такая статья в уголовном кодексе, – повторил своего друга Витька Редькин, – я не жрал толком ничего больше недели. Не один ты умный такой, – огрызнулся Лёха.

Под Редькиными ногами уже хрустели осколки разбитых стёкол, что-то упав на пол, зазвенело, Лёха выругался, невидимый в полумраке неработающего магазина. Миша почувствовал, как голодно урчит в животе, вытесняя мысли о странном покойнике, лежавшим у подножия сугроба. Стоп! Мякинин снова глянул на мертвеца: тот лежал ногами к горке почти точно напротив того места, где Миша сейчас стоял. Хоть с криминалистикой он знаком был посредственно, но не нужно быть большим умником, чтобы понять, что стреляли, скорее всего, отсюда, а значит стрелявший мог быть в магазине.

– Лёха!

Миша скатился с горки, пролез в витрину. Глаза разбежались по стеллажам, уставленным крупными, коробками с хлопьями и прочими пригодными для еды вещами. Аккурат между двух коробок на Редькина смотрели два горизонтально расположенных ствола. Лёха застыл с поднятыми руками, в одной из которых была открытая консервная банка кукурузы.

– Ты чё, дядя? – хлопал глазами Лёха.

«Байкал», у бати такой же», – оценив ружьё, подумал Миша, тоже поднимая руки, поняв, что «дядя», рослый бородатый мужик лет сорока пяти, его уже заметил.

- Вы кто? – спросил владелец «Байкала».
- Люди, – осторожно ответил Лёха.
- Мертвецов видели? – продолжал опрос мужик.
- Каких?
- Оживших. Ходят по городу. Ты что, дураком прикидываешься?

Всё ясно, они имеют дело с сумасшедшим, а ведь если ружьё заряжено картечью, то Лёхина голова разлетится как арбуз с такого расстояния, да и ему тут ни спрятаться, ни выбежать не успеть – тоскливо подумалось Мякинину. Редькин тем временем молчал, загнанный вопросами в тупик.

– Мы на улицу Ленина идём, – подал голос Миша, – просто «вахтовки» не было месяц, не ели ничего, вот парень и не выдержал. Мы заплатим за консерву, которую он съел. Отпустите нас.

- Откуда вы? – снова спросил мужик.
- С Сенгейского, – хором ответили вахтовики.
- «Охотник» как будто даже обрадовался, воскликнув:
- Значит, вы ничего не знаете?

Но ружья не опустил. Из-за соседнего стеллажа вышел коренастый смуглый чуть раскосый мужик в шерстяном светлом свитере, обратился к «охотнику»:

- Чего тут, Николаич?
- С Сенгейского прибыли, не в курсе ничего!
- Везёт, – усмехнулся смуглый. В руке его блестело мачете. Шансов напасть или улизнуть практически не осталось.

– Вы чего, блин, ребята? – не выдержал Лёха. Нервы у него начинали сдавать. Николаич резким движением убрал ружьё, положив его стволом на плечо. При хороших навыках ему, чтобы сдёрнуть с плеча оружие и выстрелить, понадобится секунда.

– Долго объяснять мне вам, – сказал он. – Вы вот что: забирайте еды, сколько нужно, сумку я вам дам. На чём приехали? На снегоходе? Где оставили? Так это недалеко. Берите еду, водку, сигареты и уезжайте на Сенгейский и до лета лучше не показывайтесь. Живых здесь почти не осталось, так что работодателей своих вы не найдёте.

Заметив, как осмелевший Лёха, покрутив головой, остановил взгляд на полке с горячительным, спросил его:

- Выпить хочешь?

Редькин кивнул. Услышав разрешение Николаича, почти подбежал к полке с коньяками, схватил один, сорвал пробку и присосался. «Дал Бог напарничка!» – подумал Миша, совсем без удовольствия наблюдая, как Лёха выдул единым махом больше половины пол-литровой бутылки. Сейчас рухнет, на голодный-то желудок! Куда теперь с ним?

- Так мы можем идти? – спросил Миша.

– Еду взять не забудьте. Не обижайся, но мы посмотрим за вами. Вы шумные, да без оружия ещё. Эти мёртвые гады на звук идут. Впрочем, если хотите, погостите и переночуйте у нас в подсобке, там дверь железная, окон нет, ожившие туда не доберутся.

- Мы пойдём лучше. Если что, забежим к вам.

Очень хотелось уйти от этих, по всей видимости, чокнутых мужиков, и Михаил решил во всю стараться, чтобы показать свою занятость, а не пренебрежение гостеприимством.

– Может, останемся? – в своей манере нахраписто и нагло подал голос Редькин. Глаза у него потихоньку начинали мутнеть.

– А что ты Витьку потом скажешь? Он сегодня тебя ждёт, чтобы ты ему рассказал о деньгах, которые ему выплатить должны, о том, когда домой его отправят.

- Имя Витька оказало на Лёху волшебное действие.

- Пойдём!

Николаич как-то странно окинул вахтовиков взглядом, пробормотал:

– Как хотите. Только вряд ли мы вас уже увидим.

Раскосый снова чему-то усмехнулся, протянул Лёхе мачете:

– На. Ты, гляжу, тут самый бойкий. Пригодится.

Когда шли к выходу, Миша не удержался, стащив с одной из полок шоколадный батончик, больше ничего взять не рискнул, чувствуя спиной взгляд Николаича и ещё до конца не уверенный, что тот не выстрелит, ведь наверняка того мужика на улице они прикончили. Лёха зато, взбодрённый коньяком, шёл резво и весело. Проскочил мимо брошенного тулупа, на заднице съехал с сугроба и пошёл по улице пьяно размахивая мачете:

– Где вы, живые мертвецы? Выходи по одному!

Мякинин шёл позади, раскатав обратно маску – было стыдно за пьяного Лёху, вдруг кто увидит. Про тулуп даже напоминать не стал: не нянька он ему. В голове всё крутилась информация, переданная новыми знакомыми из разбитого магазина. Всё что Миша видел вокруг: отсутствие людей, кое-где выбитые оконные стёкла, машины, припаркованные, либо брошенные, выглядели так, как будто ими не пользовались несколько недель – указывало на то, что Николаич если и не был прав, то лишь ошибся в причине, ибо разум никак не мог принять оживших мертвецов, инопланетян, нашествие оборотней и прочей ерунды.

– Дошли что ли? – спросил Редькин, наблюдая, как Мякинин рассматривает железную дверь, ведущую в офисный подъезд: домофон не работал, как и магнит, её державший, доводчик был сорван.

В офисе стояла тишина, Мякинин пощёлкал выключателем, находившимся слева у входа под распределительным щитом. Света не было. Вахтовики прошли по коридору мимо пустующего ресепшена.

– Есть здесь кто? – крикнул Редькин во тьму коридора, пихнул дверь по левую сторону.

– Нет никого, – умозаключил Лёха и как загипнотизированный залюбовался насыпным сейфом, стоявшим как раз напротив открывшейся двери. Миша открыл дверь противоположного кабинета, осторожно зашёл, осматриваясь. Отсутствие в офисе людей не удивило, но озадачило ещё больше. Взгляд остановился на письменном столе с разбросанным по нему ворохом бумаг, Миша рассеянно начал в них ковыряться, ища сам не зная чего, попутно мысленно пытаясь разобраться со всем увиденным и услышанным.

– В тебе должны быть бабки, – сказал Редькин сейфу, любовно его погладив. Он оглянулся в сторону кабинета, куда зашёл Мякинин: на стуле большой чёрной собакой, перегнувшись через спинку, лежал тулуп, из кармана светлым хвостовым обрубок торчали рукавицы. Сам Миша потрошил ящики стола, стопка за стопкой выбрасывая на его поверхность какие-то бумаги.

Лёха удовлетворённо хмыкнул и снова развернулся к сейфу. Зачем-то ковырнул его мачете, подумал, отложил его в сторону на тумбу. Где-то должен быть ключ. Взгляд побежал от правого угла: смятые коробки из-под техники, шкаф, с отломанными дверцами, нутро которого было закрыто шторой, сама штора наброшена на шкаф и придавлена сверху принтером, снова какой-то хлам, открытая дверь – взгляд бежит дальше – стол, за ним ещё один, окно... Сзади раздался глухой стук, как будто кто-то топнул. Лёха обернулся: чё за фигня? В ушах хмельно звенело, Редькин собрался было списать всё на пьяный глюк, но стук повторился. Он шёл из шкафа. Лёха шагнул к шкафу, протянул руку, чтобы сорвать тёмную штору. Древний инстинкт, хранивший далёких предков от неожиданных нападений саблезубых хищников, остановил руку на полпути. Лёха обернулся, нашёл глазами мачете, сам не зная зачем, потянулся к нему.

Штора, резко натянувшись, с рычанием рванулась к Редькину, тот инстинктивно поднял вверх руки, защищаясь от падающего сверху принтера. Что-то тяжёлое навалилось на Лёху, урчало, царапалось, избавляясь от мешавшей материи. Лёха извивался, пытался спихнуть с

себя напавшего. Штора слезла, обнажив серое лицо с безумными жёлтыми ножевыми глазами. Ощерившийся рот с распухшими дёснами и кривыми зубами ухватил Лёху поперёк руки, которой он защищал лицо. Зубы не могли прокусить толстый рукав, существо рычало и мотало головой, не выпуская руку из пасти, светлые включенные на его голове волосы колыхались туда-сюда. Лёха заорал...

Миша вбежал в кабинет. Какой-то плотный мужик в облегающей сальные бока водолазке с рычанием копошился на Редькине. Мякинин резко опустил кулак вниз, целясь в правую почку, по опыту зная, что после такого удара свою жертву выпустит любой качок. Мужик продолжал мять Лёху, пытаясь зубами добраться до его горла. Миша обхватил нападавшего двумя руками за толстую талию и рывком вверх сбросил его с Редькина. Мужик пытался вскочить на ноги, но Мякинин пихнул его на пол. При всей проворности, мужика шатало, как контуженного. Что-то было в нём не так: землистый цвет лица, рыжие волосы торчали в разные стороны, будто вовсе не знали расчески.

– Блин! – вырвалось у Миши. Он узнал нападавшего: это был Лёня Зубов, исполнительный директор той конторы, что их нанимала, неплохой, в общем-то, дядька. Лёня рванулся, выставив вперёд руки, на Мякинина. Миша прынул в сторону, споткнулся, теряя равновесие, опёрся на стол, выровнялся, снова готовый к бою.

Драться было не с кем: Лёня с усталым рыком осел на колени, из его головы торчало мачете, которое со злым сопением вытаскивал Редькин, стараясь не испачкаться в крови.

«Я так и знал, что ты хорошо не кончишь!» – мелькнула в голове яростная мысль. Вот судьба Редькина пришла к логическому завершению, плохо, что убийством человека. Скрутить и сдать местным ментам! Миша резко со спины заломил руку Лёхе. Мачете, упал, зазвенев, Лёха вскрикнул:

– Ты чего?!

Мякинин отпустил руку, швырнул Лёху на сейф, прижал левой рукой к тяжёлому ящику, отставил назад правую ногу, собираясь провести прямой джеб в открытый подбородок. Давно мечтал об этом!

Тело Редькина содрогнулось, будто что-то попыталось вырваться из его утробы. Миша еле успел отскочить. Лёха изверг из себя весь свой обед: коньяк с кусками непереваарившейся кукурузы. Ярость Мякинина куда-то вдруг ушла, оставив пустой усталый взгляд на блюющего Редькина.

– Ты чего? – с кряхтением повторил вопрос Лёха.

– Ты человека убил, – ответил Миша, теряя, впрочем, в этом уверенность. Всё увиденное складывалось в общую картину, в которую разум отказывался верить.

– Это зомби, не видишь? – каким-то потерянным голосом рёк Лёха.

Редькин распрямился, собираясь ещё что-то сказать, постепенно приобретая свою обычную задиристость, но тяжёлые шаги в тихом пустом коридоре, заставили его замолчать. Много шагов, сопровождаемые то ли рычанием, то ли хрюканьем.

– Две-ерь! – заорал Лёха, но Миша одним прыжком оказался у проёма и уже пихал от себя лёгкую офисную дверь. Руки с землистыми пальцами, лезли в оставшуюся щель, не давая двери закрыться. Клубок навалившихся с той стороны тел многоголосно рычал и скрёбся, упирившийся Миша медленно отъезжал назад.

Благослови Бог добрых нарьянмарцев, не ставящих решетки на первый этаж! Редькин, подбрав мачете, яростно и спешно выкручивал ручку на раме, пытаясь распахнуть окно. «Не сломай!» – мысленно крикнул ему Мякинин, боясь тратить иссякающие силы на голос.

Как только Лёха сгинул в светлом оконном квадрате, Миша резко отскочил в сторону, чтобы не быть зашибленным ввалившимися телами. Рванулся к окну, чьи-то пальцы попытались ухватить его за шиворот, но прошли только по хребту, заставив пробежать по спине холодным мурашкам. Рыбкой, как на занятиях по рукопашному бою, Миша вылетел в окно

(высоко же здесь, хоть и первый этаж!) перекатился и встал, чувствуя, как по горячей спине растекается ручьём набившийся за шиворот снег.

Снежный северный свет будто обнял, накиннулся со всех сторон, Мякинин стоял, привыкая и соображая. По улице урча и рыча рассеянной медленной лавой наступала толпа мертвецов, серо-землистая, заслоняющая низкое северное солнце. Лёха, растерянный, пятился назад, выставив перед собой мачете:

– Давай, давай, подходи по одному!

Мозг, нагревшись и заострившись, будто взорвался: прямо нельзя, направо – заблудятся. Обойти здание и нырнуть в проулки, а там меж зданий по направлению выскочить к снегоходу.

– Сюда, Редькин!

Лёху, опытного в шпанских острых ситуациях, долго упрашивать не пришлось, они завернули за здание и помчались по параллельной той, которой пришли, улице, петляя меж домами, по-сайгачьи прыгая по подтаявшим сугробам, перемахивая через кучи бытового валяющегося хлама.

Лёха оказался ловок и резв, не смотря на прежний разгульный образ жизни. Один раз им попался живой мертвец, неловко, как пьяный охальник, пытавшийся их схватить. Редькин резко рванул в сторону, оббежав его. Мякинин, не успев сделать также, сбил его с ног, как в американском футболе, свалился сам, но тут же рванул дальше с низкого старта.

Наконец дома закончились, открылось белое безмолвие тундры. Вахтовики отстоялись, сощурился глаза от слепящего солнца и выискивая снегоход, быстро нашли СДЮШ и своего снежного коня около него. Сзади приближалось глухое рычание десятков, а может сотен глоток преследователей. Одновременно побежали оба, задыхаясь, но ободренные спасением.

Метр за метром, только бы завёлся сразу, не так, как в голливудских триллерах. Но вроде как, «Росомаха» сбоек не давал. Миша чуть замедлился, на ходу охлопывая карманы... Мать твою! Ключи он забыл в тулупе, который благополучно остался в том самом кабинете, где они сражались со своим первым мертвецом.

– Ключи где? – развернулся к нему раскрасневшийся от бега Редькин и по выражению физиономии Мякинина понял, что у того их нет.

– Где ключи, урод?! – сорвался на крик Лёха, готовый броситься на бывшего опера, но к ним уже приближалась опасность пострашнее и, скорее всего, мертвецы хоть и бегали медленнее, но не уставали. Бежать уже сил не было да и некуда: с той стороны, куда они шли первый раз и где был магазин с прятавшимися там Николаичем и «смуглым», россыпью неуклюже переваливаясь, рысили с десятка два чудовищ, ибо людьми их вряд ли можно было назвать, а сзади была бесконечная безмолвная тундра, которая может и пострашнее живых мертвецов будет для неподготовившихся к встрече с ней людей.

– Всё, кабздец! – с обречённой злостью заключил Лёха, выставив перед собой мачете и прижавшись задом к снегоходу. Миша, ничего не найдя из возможного оружия, встал рядом, готовый к схватке.

Басовитый, резко выросший откуда-то сзади гул, заставил Мякинина обернуться. Тяжёлый, белый и от этого незаметный в лучах заполярного солнца «Ховер» врезался в арьергард мертвецов, раскидав их как кегли. В стороны полетели оторванные загнивающие конечности тел, шлёпнулись кровавыми безобразными останками на белом снегу. Какой-то мужик в кроличьей шапке, вылез из машины с переднего пассажирского сидения, и, используя дверь как бруствер, короткими очередями из «Сайги», начал стрелять по мертвецам. Пули едва слышно чавкали, врезаясь в тела, мертвецы дергались как от толчка и шли дальше со своим жутким стонущим ревом. Иногда пули попадали в голову, дергая ее в сторону, тогда мертвец падал кулем и больше не вставал. А со стороны города ручейками уже стягивались остальные, будто гиены на жирную добычу. Задняя левая дверь приглашающе открылась:

– Залезайте!

Второй раз звать не надо. Лёха длинным прыжком оказался прямо в середине заднего пассажирского сидения, Мякинин тяжело рухнул рядом, хлопнул дверью, почувствовал, как его трясёт от подступившего адреналина.

Правый передний пассажир нырнул на сидение, закрыл дверь, щёлкнул флажком предохранителя, опустил оружие на колени стволом к двери и сказал то ли водителю, то ли просто так:

– Поехали!

Водитель, тронув машину, ответил довольно резко, но без злости:

– Говорил, блин, бери карабин, от этой «Сайги» шум один, а толку мало! Ещё немного и ожившие в машину бы к нам полезли. Вот сколько ты патронов тратил на одного мертвяка? А из карабина один выстрел – один труп. Промахнуться трудно по их гнилым кочанам.

– Как вы их называете? – спросил Мякинин, которого до сих пор лихорадило от этих мягко сказать совсем необычных приключений, и он совсем забыл про учтивость, даже не поблагодарив за спасение. Но Редькин перебил ответ, если кто-то и собирался отвечать, эмоции переполняли его:

– Ништяк, пацаны, ништяк! Вовремя прямо, ух!

Передний правый повернулся к Лёхе, умным внимательным взглядом серых глаз посмотрел на Редькина:

– Блатной что ли, или просто с русским языком не дружишь?

В голосе – холод и чуть презрения, как показалось Мякинину. Лёха сообразил, что лучше не отвечать, ибо «блатным» он не был, а в полемику вступать может оказаться себе дороже, отвернулся к окну, заёрзал, устраиваясь поудобнее.

«Ховер» на довольно резвой скорости, разбрызгивая просевшие под солнцем сугробы, покатил, огибая город.

– Мы видели вас из окна, – снова заговорил мужик в кроличьей шапке и с «сайгой», – когда вы шли к улице Ленина. Хотели выйти, позвать, но вы уж больно на чокнутых были похожи: кругом разруха, а один мачете размахивал, как мексиканец, второй вообще заполярный ниндзя в чёрном тулупе и чёрной маске. Решили, что у вас либо крыша съехала на фоне последних событий, либо вы под кайфом. Сейчас я уверен, что вы вообще не в курсе.

– В курсе чего? – автоматически спросил Мякинин.

– Приедем на базу, расскажу. Давай, Олежа, вот здесь сверни, тут точно мертвяков нет, – переключив диалог на дорогу, показывая тем самым, что разговаривать он больше с гостями пока не собирается, «сайга» ткнул между приблизившихся домов пальцем.

Базой была школа, теперь бывшая, огороженная высоким забором из металлических прутьев, усиленного сгребенным с территории школы снегом. Наверху снежной стены – утоптаные площадки для часовых. Ворота, закрытые толстыми деревянными щитами с прорезанными бойницами, подпирались изнутри железными трубами. Во дворе – настоящий зимний детский пионерлагерь, играли дети, передвигались за какими-либо нуждами люди. Резкий контраст с вымершим городом. Из центрального входа входили и выходили, бросая любопытные взгляды на вылезших из машины Мякинина с Редькиным.

– Ну что, Виталь, привезли? – окликнул того самого с «сайгой» какой-то мужик в ядовитого цвета финской куртке.

– Ага, вон, в багажнике, – отозвался Виталий, – не зови никого, Серега, сами разгрузим. Давайте, гости, подсобите.

Виталий шмякнул в подставленные руки Мякинина картонный ящик с какими-то консервами, приказав:

– Топай за Серегой, он покажет, где сбросить.

В школе был полумрак, то ли сэкономили электрический генератор, то ли электричества здесь не было вовсе. Серега шёл уверенно, зная каждый порожек, Миша же раза два спо-

ткнулся, тихо чертыхнувшись. Разгрузились в школьной столовой, Серега стянул пуховик, бросил его на ящики.

– Жарко чего-то стало, – прокомментировал он и обратился уже к гостям:

– Пойдёмте, в физкультурную подсобку вас отведу, там у Виталика кабинет теперь. Он всё равно с вами пообщаться захочет, работа у него раньше была такая, а сейчас навыки тоже пригодились.

– Кадровик что ли? – спросил Редькин.

– Можно и так сказать...

Каморка физрука как и во всех школах тесная и без окон. Только всё лишнее как то: остатки разломанного спортивного инвентаря, старые плакаты и прочий хлам, были, видимо, вынесены, остался только небольшой стол, три стула, лавка со сложенными на ней какими-то тетрадями и шкаф с пылившимися на нем кубками. Серега щёлкнул выключателем, зажигая свет.

– Ух ты, сервис, и свет здесь есть! – воскликнул Лёха, усаживаясь на старый скрипучий стул.

– Здесь никто не живет и не работает, мы сюда водим народ для фильтрации, – пояснил Серега.

– Для чего? – не понял Редькин.

– Если люди заражены, они не должны соприкасаться со здоровыми и здесь их легче запереть.

– Чего?! – выкатил глаза Лёха.

– Спокойно!

В каморку по-хозяйски вошёл Виталий, Серега вышел, чтобы не тесниться. Виталий сбросил куртку на лавку, уселся на стул, внимательно пробежал глазами по напряжённым лицам гостей, сказал:

– Меня зовут Филиппов Виталий Сергеевич, я начальник нарьянмарской криминальной полиции. А теперь расскажите, кто вы, зачем и откуда приехали?

Филиппов был довольно молод, вряд ли старше Мякинина, но суровое оперативное прошлое выработало в нём жёсткую уверенность, которая исходила из всего его облика, заставляя людей сразу воспринимать его всерьёз.

– А ты наверное здесь главный? – Поинтересовался Редькин.

– Нет, – ответил Филиппов, – я всего лишь зам. главного по безопасности.

– Вязать будешь, начальник? – попытался поёрничать Лёха, но Виталий Сергеевич ожёг его таким взглядом, что тот прикусил язык.

Мякинин посмотрел на непривычно посерьезневшего Редькина и начал рассказывать. Виталий слушал, не перебивая, после того, как Мякинин закончил, Филиппов как-то устало вздохнул (видать не впервые выслушивает подобные истории) и без всяких комментариев сказал:

– Теперь вас осмотрит врач на предмет ран, которые могут оказаться укусами. Мы не имеем права рисковать.

– Молодая врачиха? – осклабился Редькин.

– Осмотр проводит мужчина, – серьёзно ответил Филиппов.

– Вообще-то я не гомик, – хмыкнул Лёха, но видя, что его игривого настроения никто не поддерживает, спросил скривившимися губами:

– А если я не захочу?

– Значит, ты не пройдёшь фильтрацию, – пожал плечами Филиппов.

– И?

– У тебя есть мачете, будет, чем отбиться от зомби за воротами лагеря.

Лёха понимал, что качать права не получится, а Филиппов не собирался спорить, и пока Редькин обдумывал, как бы так согласиться на медосмотр, чтобы не показать свой страх перед вымершим городом, Мякинин выдал за него:

– Мы не знаем, зачем нам проходить эту фильтрацию, мы не знаем, что нас вообще ждёт в городе, потому что мы вообще ничего не знаем. Мы пройдем этот чёртов осмотр, но с тем условием, что ты наконец нам всё расскажешь.

Некоторое время Филиппов изучающе смотрел на Мишу, то ли пытаясь понять, что за фрукт перед ним, то ли раздумывая стоят ли эти двое рассказа, или их просто выгнать.

– Ладно! – Виталий хлопнул себя по колену, встал, развернул стул и уселся на него всадником, облокотившись грудью на его спинку, левый локоть оперев на рукоять длинного ножа, мирно висевшего на поясе в ножнах.

– Началось это месяца полтора назад где-то. По телевизору поползли какие-то мутные размазанные новости про новую экзотическую эпидемию, которую то ли завезли, то ли она сама откуда-то вылезла, где консервировалась с незапамятных времен. Знаете, умные люди давно уже смотрят телек исключительно ради развлечения, а новости предпочитают читать на Интернет порталах. Нас всё время стараются отвлечь от постоянного бесконечного кризиса, то показывают бастующих греков, то сомалийских пиратов, то негров с арабами, в цивилизованных странах воюющих против белого населения, а у себя друг с другом. Тут также, началось с «загнивающего» Запада, где появилась куча психов, бросающихся на прохожих. Рассказывалось это с нескрываемым сарказмом, якобы слабые на психику американцы с европейцами пересмотрели зомби-фильмов. Когда зараза началась на российском Материке, про неё заговорили серьёзно, но опять несли какую-то чушь: типа чума, которая выкосила полмира в Средневековье, внезапно вылезла в Новое время, но Президент уже отдал кучу распоряжений и беспокоиться нам не о чем. В это время ожившие уже всюду раздирали людей в клочья на улицах больших городов и городов поменьше. Мы так и не узнали, лишил ли кто девственности никогда не исполняемые указания Президента, как телевидение закончилось.

Всё происходило так стремительно, что происходящие на Материке, в обычное время, долго доходящее до голов и сердец, вообще никем было неприято и непонято. В это время, к нам прилетел пассажирский самолет из Москвы, полный оживших мертвецов. Уж не знаю, как и кто их туда загружал. Наверное, в Москве они сели ещё людьми, а в полёте они или часть их обратились и перекусили остальных. Может это было сразу и со всеми, как массовый психоз.

– А пилоты? – недоумённо прервал рассказ Мякинин. – А пилоты тоже были зомби?

– Нет, – покачал головой Филиппов, – пилоты были обычными гадами. Страна перестала рожать героев, они знали, что происходит на борту и, вместо того, чтобы обрушить полный самолёт оживших где-нибудь в тундре, выгрузили его в аэропорту.

– Всякая тварь жить хочет! – философски заметил Редькин.

– Ага, – согласился Виталий, – только пилоты те долго не прожили. Они успели уехать с теми, кто эвакуировался с аэропорта, а потом обратились в самом Нарьян-Маре, хотя, как они утверждали в машине, их никто не кусал. Они заперлись у себя в рубке, а ожившие просто не успели к ним проломиться.

– Постой-ка, – нахмурился Мякинин, – ты хочешь сказать, что все, кто остался на материке, обратились?

Напряжение в голосе Миши заставило напрячься даже пожизненного пофигиста Редькина.

– Это вряд ли, – уверенно качнул головой Филиппов. – Я недорассказал, у нас перед этим ещё самолет был, как раз за неделю. Люди, что на нём прилетели, смотались с Материка аккуратно перед беспорядками. Большинство из них превратились в зомби, но были и те, кто остались людьми. Их точно никто не кусал.

Виталий замолчал. Было непонятно, то ли он ещё хотел что рассказать, то ли увидел, что слушателям стало не до него. Мякинин сидел, уставившись куда-то сквозь стену каморки, Редькин тоже развращённым умом думал о чём-то своём, крутя головой то влево, то вправо, то задирая лицо к потолку. Филиппов не нарушал паузу, дожидаясь, когда услышанное ими невероятное дойдёт от ушей к мозгу. Наконец не выдержал, выдернул Мякинина из раздумий:

– У тебя родня?

Миша кивнул.

– У меня тоже отец с матерью в Гатчине, – поддержал Мякинина Филиппов, – а здесь жена с двумя дочерьми.

– У меня сын, жены нет, – тягуче медленно произнес Мякинин и покосился на Редькина, не хотелось изливать тяжёлую душу при этом покемоне.

Ни Виталий не успел ответить, ни Лёха не успел сострить, чтобы затроллить Мякинина – где-то во дворе глухо ухнул выстрел, за ним ещё два один за другим. Все трое, схватив куртки, рванули через дверь каморки. Пока рысили сумрачными школьными коридорами и рекреациями, Филиппов коротко пояснил:

– Мы запрещаем стрелять, чтобы не привлекать оживших. Значит, что-то чрезвычайное случилось!

Мякинин забирался за Филипповым на снежную стену, осклизаясь на отяжелевших весенних вырубленных в сугробе ступеньках. Охотники на стене, рассредоточившись не более чем не мешать друг другу, тщательно выцеливая, стреляли по кому-то по ту сторону стены из карабинов. Миша отошел в сторону, чтобы не мешать, посмотрел за стену и почувствовал внутри холодный тяжёлый удар сердца: по дороге, ведущей от домов к школе, бежала женщина с ребенком лет может быть семи-восьми. Расхристанная, со сбившейся набок с шапкой, как в фильмах про войну. Бежала – это сильно сказано, скорее быстро волоклась, помогая идти вусмерть уставшему орущему от страха ребенку – нести его, видать, сил уже не было. Ожившие, особой двадцать с лишним, возбуждённо рыча, нагоняли её, защитники, с весело-злыми матюгами стреляли по мертвецам, довольно часто попадая в туловища, лишь заставляя дергаться зомби. Лишь ближний к Мише мужик «ремингтоном» с оптическим прицелом ловко вышибал мозги из мёртвых черепов.

– Отставить стрелять! – заорал Филиппов. Сам ринулся вниз к тем защитникам, что отволакивали трубы от ворот, чтобы выбежать навстречу женщине и помочь ей. Мякинин побежал за ним, схватив по дороге воткнутый в сугроб обрезок арматуры – их было вокруг наткано немало, видно так делали, чтобы хоть какое-то оружие было под рукой, а может, собирались использовать как колья у стены.

Ворота не успели полностью распахнуться, как защитники бросились наружу в помощь женщине. Впереди бежали два мужика, за ними – Виталий, потом Миша, стараясь не отстать от Филиппова. Начинались длинные северные сумерки, и Мякинин ясно мог различить быстро волочащих ноги, почти бегущих навстречу мертвецов.

Защитники промчались мимо рухнувшей на снег совсем обессиленной женщины, сошлись в рукопашную как некогда древние люди за тысячи лет до этого, с яростными криками, с секущим звуком железа, режущего плоть.

Мише ближе всего оказалось существо, бывшее когда-то женщиной, с почерневшими то ли от грязи, то ли крови волосами и нельзя было понять, стара она была при жизни или молода, красива, или безобразна. Жёлтые раскорявленные зубы в опухших дёснах клацали, будто пробуя на вкус запах живой человечины. И не он на неё напал, замешкавшись на секунду от растерянности, а она на него. Миша, чуть уйдя с линии атаки, вполсилы ударил её арматурой по лицу. Край закалённого металла порвал кожу на серой щеке, оставив рваный неживой чёрный след. Зомби не разозлилась, не почувствовала боли, просто продолжила, рыча, тянуть мёртвые руки к Мякинину и упорно наступать. Миша отвёл в сторону арматуру и, уже не как

дубиной, а как дротиком, ударил ожившую в лицо. В последний момент предательская мысль, что бьет человека, отвела арматуру вниз, раздался противный хруст проламываемой грудины. И снова никаких эмоций, кроме жажды нечеловеческого голода. Мертвец потянулся к Мякинину, крепко уцепился за куртку, всё глубже насаживаясь на арматуру. Зубы щёлкали почти у самого лица, рот обдавал смрадным дыханием, Миша замотал арматуру от себя влево-вправо, уворачиваясь от зубов, заодно пытаясь освободить оружие. Моталась и зомби, не отпуская добычу и увлекая за собой Мякинина. Миша понимал, что упади он первым – ему конец, ожившая дотянет до него.

Хорошо, что женщина была при жизни довольно стройной, а значит легче Мякинина раза в полтора, поэтому он смог свалить её. Оттолкнувшись ногами от земли, ему удалось вырваться, оставив в руках зомби кусок рукава, и вырвать арматуру. Разбуженные древние инстинкты самосохранения отбросили предательскую жалость и губительную мораль, и следующий удар пришелся прямо в глаз ожившей. Арматура насквозь пробила череп, брызнула чёрная мёртвая кровь. Миша сглотнул подступивший к горлу ком.

– Долго возишься, было бы их больше, уже бы сожрали тебя! – сурово-наставительно заметил один из защитников. Мякинин промолчал, приходя в себя от схватки и осматривая непривычное для себя поле оконченного боя с мертвецами. Остальные, подобрав женщину и ребенка, споро несли их к школе-крепости. Виталий, обернувшись к Мише, указал ножом в сторону домов, откуда лезли на ужин один за другим десятки оживших, гул от их глоток сливался в один сплошной рык.

– Глянь, полезли твари! Завтра снова уводить их придётся. А может и сегодня, если успеем, пусть их побольше соберётся!

Ворота закрыли, снова подперев их стальными трубами. Женщина рыдала навзрыд на плече у седого защитника, сквозь её рыдания Миша смог только разобрать:

– Толпа...ворвались...Рому в ключья...говорила ему...

Помешал слушать Редькин, неслышно как оказавшийся рядом и хмыкнувший в самое ухо:

– Ну что, теперь и ты убийца!

– А ты где был? – огрызнулся Миша.

– Всё, ша! – прикрикнул на них Филиппов. – Вы двое на фильтрацию, ужинать и спать, а завтра разберёмся!

Так называемая фильтрация очень напомнила осмотр у дерматолога. Доктор велел раздеться донага и тщательно осмотрел поверхность кожи. Скучную процедуру неожиданно скрасил Лёха, хоть и шутил бородато и плоско, вроде: «Доктор, ягодицы раздвигать? Прошлый раз у меня отсрочкой пахло!», «не подходите близко, после вахты у меня на всё живое непроизвольная эрекция!». Потом их отвели в спортзал, где, как оказалось, жили люди. От увиденного обалдел даже Мякинин, никак не могущий отвлечься от мыслей о семье: зал напоминал небольшое индейское поселение. Вдоль и поперёк зала были натянуты верёвки, на которых висели шкуры и одеяла в качестве ширм, разделяющих комнаты. Весёлые сорванцы со смехом носились, врезаясь в мягкие «межкомнатные» стены, недалеко кто-то перебирал струны гитары. На потолке вместо ламп дневного света мягко по-барному лучились светодиоды. Настоящий постапокалиптический сюрреализм.

– А что, классов на всех не хватило? – спросил Миша сопровождающего их уже знакомого Серёгу.

– И да и нет, – ответил тот. – Здесь гостиница, а также казарма для тех, кто теперь боится закрытого пространства, а таких, поверь, теперь много, после того, как ожившие ловили их в тесных квартирах. Пойдём, покажу вам ваше лежбище.

– Я с ним рядом спать не буду! – напомнил о себе Редькин, кивнув в сторону Мякинина.

– Тебе и не потребуется, – хмыкнул Серёга. Он отвёл Редькина по «коридорам» к дальней от входа стене, где была огорожена маленькая комнатка, которую почти всю занимала надувная кровать, застеленная оленьей шкурой и стёганым одеялом.

– Ого, ничё так шконяра! – сказал Редькин, плюхаясь на матрас.

– Не шуми, люди кругом, – пристрожил Серёга.

– А я не человек? Давай, вертухай, задёрживай вход, спасибо за номер!

– Пожалуйста!

Серёга вернулся к Мише, торчавшему у входа и всё ещё с интересом разглядывавшего «стойбище».

– Ты где взял этого придурка? – спросил Мякинина Серёга.

– Сам удивляюсь. Где мой вип-номер? Мне желательно с мини-баром.

– Э нет, – замотал головой провожатый, – тебя Виталик ждёт. Сказал этого клоуна уложить, а тебя привести. Пообщаться он хочет зачем-то.

Мякинин даже обрадовался, оставаться наедине с беспокойными мыслями хоть и в довольно бодрой «гостинице» он не хотел и возможно боялся, поэтому лишних вопросов задавать не стал, а просто пошёл за Серёгой тёмными коридорами.

Виталий сидел в учительской за столом, на котором тонкой невидимой в темноте струёй через узкогорлое стекло, чадила керосиновая лампа, заправленная каким-то жиром, специфический запах которого плавал по кабинету.

– Через две минуты отключат генераторы, – пояснил он, кивая на лампу. Серёга вышел, Филиппов показал на стул:

– Присаживайся.

Мякинин развалился на стуле, забросив ногу на ногу.

– Мы не договорили там в каморке, – начал Виталий и неожиданно спросил:

– Знаешь, кто была раньше та женщина, которую ты убил? Её звали необычно: Камила. Она работала медсестрой в больнице, там, по-видимому, её укусили. Она обратилась и укусила мужа. Потом они вместе сожрали своего малолетнего ребенка. Я тебе об этом рассказываю, потому что ты уже всё видел и воспримешь правильно мои слова. Это уже не люди, это существа. Злые и хищные.

Виталий добавил с улыбкой:

– Но Камила была девкой фигуристой при жизни!

– Я обратил внимание, – согласился Миша.

– Ты некрофил?

– Ещё пока нет. Но я не знаю, как там с женщинами на Материке.

Филиппов снова улыбнулся:

– Тебя не примёшь! Ты не из бывших случайно?

Мише сразу стало понятно, что Виталий имел в виду не уголовников, ни чиновников, а именно себе подобных оперов.

– Из них. Четыре года в уголовном розыске, потом почти год в УЭБе.

От Мякинина не укрылось, как Виталик обрадовался, что не промахнулся с выводами о сидящем перед ним собеседнике.

– Чего ушёл?

Миша, размышляя: стоит ли открывать душу мало знакомому парню, шумно фыркнул носом, решил. Да, собственно, рассказывать особо было и нечего: родился и жил в Удельной Раменского района Московской области, женился, родился сын, подрос, жена умерла, с органов ушёл из-за того, что и дома не бывает и зарплата маленькая.

– Жилья своего нет, живём с сыном с родителями, кредитов ещё с женой набрали, с банком до сих пор расплачиваюсь. Всё как у большинства нашего нищего российского населения. Обычный маргинал и неудачник, – заключил Мякинин, глядя прямо в глаза Филиппову,

заволоченные мраком комнаты. Виталий неожиданно усмехнулся, поднялся из-за стола, полез куда-то в шкаф, загремел стеклом. На столе оказалась початая узкогорлая бутылка коньяка, пара стопок и плитка шоколада в цветной обёртке.

– Это как сказать, – ещё раз усмехнулся Филиппов, разливая цветную жидкость по стопкам, – теперь нет ни банков, ни ССБ, ни «красных», ни «чёрных» зон, ни президентов, ни правительств, ни закона. Сволочное прошлое, мрачное настоящее и ещё более мрачное будущее. Давай за то, чтобы будущее было лучше прошлого!

Понял или нет Филиппов то, что хотел сказать или недосказал Мякинин, Миша так и не догадался. Но хотел верить, что понял. А не досказал многое: что больно было смотреть, что жируют как раз жулики и беспринципные негодяи, а честные остаются за бортом этой жизни. Недоноски, возросшие из самой низовой браги и в другое время оставшиеся бы на самом дне, упивались своим величием, без всякого снисхождения топчя тех, кто находился ниже. Вся эта негласная кастовость, российские кшатрии и брахманы, которую старательно не замечала чернь, пока это её не касалось. Мякинин сосредоточился на воспитании сына, замыслив, чтобы его ребёнок ни в чём не нуждался в будущем.

Филиппов также рассказал о себе кратко, и не потому, что хотел что-то скрыть, просто новые знакомцы никак не могли перейти к главной теме разговора. Рос Виталий в Талнахе под Норильском в семье военного. Потом отца перевели дослуживать на материк, школу Виталий оканчивал уже в подмосковной Заре. Потом армия, потом полтора года в ФСБ в наружном наблюдении, потом через увольнение поступил на службу в нарьянмарский УР. На Север его всегда тянуло...

– На чём я остановился, когда рассказывал про вирус? Ах, да: в густонаселённой Европе, Индии и Китае этот ад начался быстро, у нас и США всё случилось медленнее. Затем вирус исчез, будто выбрал себе достаточно носителей и стал распространяться только через укусы. К примеру, до нас он не дошёл, но ожившие, прибывшие с материка, наделали достаточно себе подобных. Их же клали в больницу, таскали в околотов, они ходили на работу и просто по городу. У нас было чуть более двадцати тысяч населения, оживших сейчас тысяч семь-восемь. Остальные: кто умер, кого сожрали, кого-то убили, кто-то (живой) сбежал. Кроме нашего есть ещё так называемые «очаги сопротивления». Я не знаю, сколько людей осталось вообще. Может быть тысячи четыре вместе с женщинами и детьми, может меньше. У нас здесь семьсот двадцать три человека и в неделю пополняется ещё в среднем на десять. Но всё меньше тех, кто до сих пор отсиживался по квартирам и домам, они либо мертвы, либо уже с кем-то объединились.

– Мы встретили один такой «очаг»: Николаича и какого-то нерусского, – улыбнулся Миша, вспоминая встречу.

– А-а-а! Это Николаич и Тихон, метисом кличут. Мама у него из эвенков, а папа украинец. Они чокнутые, собрались, когда льды сойдут, тикать на катере в Финляндию. Объясняют, что там Европа и по любому такого бардака не допустили. Но лично я сомневаюсь. Перед катастрофой весь цивилизационный лоск слетает.

– А вы? Что будете делать вы? – поинтересовался Мякинин.

– Лично я остаюсь здесь и убеждаю людей также здесь остаться. У нас здесь всё есть. Оружие, пища в тундре и в море, печи сделаем, дрова добудем. Есть мастеровые, охотники, врачи. У нас, представляешь, газ до сих пор идёт, каким образом, я даже не знаю. Связи нет, в том числе и сотовой, спутниковый телефон работает пока, но с кем созваниваться? Лишь бы газ до лета шёл, а там мы уже развернёмся. Оживших истребим потихоньку, а там посмотрим, заgnётся цивилизация или реанимируется.

– А вот мне на материк надо в любом случае, – задумчиво сказал Мякинин. Сын... Как старался себя отвлечь от гнетущих мыслей, они всё равно напоздали тучей.

– Забыл тебе сказать, – Виталий плеснул коньяку себе и Мише, – утешит тебя это или нет... Дети. Их мозг не выдерживал заражения, они умирали. Просто умирали. Лет примерно до четырнадцати. Поэтому ты детей среди оживших встретишь не много. К тому же ребенок слаб против взрослого ожившего и, как правило, одним укусом не оканчивается... Он просто не успевает сбежать и заразить остальных...

Рука Михаила до боли в пальцах сжала почти пустую бутылку. Коварное воображение тут же начало рисовать страшные картины. Его сын один там далеко, среди рухнувшего мира. И не спасти, не помочь маленькому беззащитному человечку, к которому тянулись зверские дьявольские лапы оживших...

Виталий не дал довоображать: внимательно посмотрел на Мишу поверх тусклого света, развернулся на стуле, лязгнув дверцей сейфа, и положил перед Мякининым две маленьких круглых белых таблетки.

– Из запрещённого? – хмыкнул Мякинин.

– Ага. Ещё месяц назад торчки удавили бы за них. Но у них доза от трёх начинается, а тебе двух хватит, чтобы уснуть. У тебя впечатлений как у ребёнка от зоопарка. Заморишь себя мыслями и спать до утра не будешь, а тебе силы нужны.

Наблюдая, как Миша запивает таблетки, Виталий добавил:

– Знаю, что если тебе предложить, всё равно не останешься, но, тем не менее – наши двери для тебя открыты. Твоих друзей я не знаю и не приму их, даже если поручишься. Сейчас такое время, что не до человеколюбия. А с этим, как его...

– Редькин, – подсказал Миша.

– Ну да. С ним будь осторожен. Я, да и ты, подобных сволочей повидали немало. Их раньше закон сдерживал, а теперь не держит ничего. Он не вкусил просто этого, но придёт час, когда тебе придётся его убить. Может не его, но кого-то похожего. Вижу, что не думаешь об этом. Пока. Ты тоже ещё не объял всего, что произошло. Слово «убить» для тебя пока страшное и растёт из преисподней. Ладно, шабаш не сегодня!

Отрезал Виталик. Взял со стола аккумуляторный фонарь, подмигнул Мише:

– Пойдём, коллега, провожу, а то заблудишься.

Таблетки действительно помогли, и как бы Миша не гонял в голове мысли, они затухли, едва он коснулся головой подушки.

– Подъём!

Серёга тормозил Мякинина. Миша тряс головой, просыпаясь. Палаточный городок в спортзале уже ожил, наполнился детскими и взрослыми голосами.

– Давай, на завтрак и пора доставать вам машину, чтобы уехать.

В бывшей школьной столовой столпотворение. Дети сидели за столами, деловито за детскими разговорами уминая кашу, маленьких кормили родители. Взрослые со своей посудой выстаивали очередь, получали порцию, находили место, где перекусить, либо шли на выход. Напоминало всё какой-то лагерь беженцев из новостей.

– О, здорово, Миха! – Редькин вывалился из очереди с полной миской дымящейся пшённой каши. Да уж, этот не пропадёт.

На улице уже как полчаса занялся длинный северный рассвет. Виталий, свежий и гладко выбритый, стоял на снежной стене, переговаривался с каким-то коренастым мужиком в спортивной шапке, показывая в сторону обступивших лагерь мертвецов. Михаил поднялся по оплывшим ступеням на стену и встал рядом с Филипповым.

– Ни чего себе! – вырвалось у него. Оживших были сотни. Толпа раскачивающихся урчащих с подвывом мертвецов напирала на стену, пытаясь зайти внутрь, где ждала недоступная вожаделенная добыча.

– Серега сказал тебе, что за машиной вам пойдём? – вместо приветствия спросил Виталий.

– Сказал, только как мы выйдем отсюда? – вид толпы оживших невольно кольнул хребет жутким первобытным ужасом.

Филиппов усмехнулся:

– Не в первый раз такое. Сейчас всё увидишь.

Ждать пришлось недолго. В тыл зомби выехал снегоход с двумя седоками в ярких пуховиках, у заднего пассажира был карабин. Виталий пояснял по ходу:

– У нас есть внешний пост на такой случай – если ожившие собираются у лагеря, то их нужно отвлечь. Сегодня на посту были Пульковы, отец и сын. Папаше уже за пятьдесят, а глаз как у орла. Смотри, сейчас будет шоу.

Зомби почти не заинтересовались снегоходом, даже когда старший Пульков слез с него, сняв с плеча карабин. Два выстрела прозвучали подряд, уничтожив двух зомби, точно в голову. Задние ряды мертвецов, ворча, стали разворачиваться. Папаша достал из внутреннего кармана пол-литровую пластиковую бутылку с тёмной жидкостью открыл и обильно полил перед собой. «Кровь», – догадался Мякинин. Ожившие, переключаясь на новую и более реально доступную жертву, ряд за рядом медленно разворачивались и потоком тянулись к снегоходу, освобождая стены от осады. Пора было наживке уезжать. За воплями мертвецов никто из наблюдавших со стен не услышал, как снегоход заглох, а младший Пульков тщетно пытался его завести. Старший почему-то перестал стрелять, а перехватил карабин за ствол как дубинку, готовясь к рукопашной схватке. Со стен скандировали как в Колизее, особенно надрывалась одна молодая особа:

– Паша, Паша-а-а!

Наконец снегоход завёлся и тронулся, периодически останавливаясь, дразня и увлекая всё больше преследователей за собой.

– Стервецы! – выругался Филиппов. – Взрослые мужики, а всё на публику играют. Младший ради Ленки старается, это та, что вопила сейчас громче всех, а старый дурень ему потакает.

Виталик, наверное, впервые за утро, посмотрел на Мякинина, сказал:

– Сейчас поедem, но сначала ко мне зайдём.

"Ко мне" – это значило в учительскую, где были вчера. Филиппов развернул на столе карту, прочертил простым карандашом линию от Нарьян-Мара вглубь материка.

– Здесь зимник до Ухты. Затем доберётесь до Котласа, а там уже до Вологды. Дальше до Москвы хоть ползком не спеша. Честно: выезжать нужно было вчера. Но вы должны успеть до глобального таяния. Берегитесь посёлков и тем более больших городов.

Миша молча кивнул и сказал вместо «спасибо»:

– Я по лестнице чуть не скатился. Ваша супер стена скоро растает. Как крепить будете?

Филиппов был чёткий и быстрый, поэтому Михаил тоже не тратил время на благодарности.

– Щиты поставим и трубами подопрём, – скороговоркой как о решённом отозвался Виталик. Нырнул в сейф и вытащил оттуда пистолет Макарова.

– Бери. На запасную обойму, патронов я тебе россыпью дам.

– Россыпью? – удивился Михаил. Филиппов скрылся под столом, зашуршал пакетом, что-то загулкало по дереву и дробно посыпалось в пакет.

– Держи!

Михаил спрятал пакет и запасную обойму во внутренний карман куртки, пистолет сунул сзади за пояс.

– Я полагаю, что никому не стоит показывать, что ты вооружён.

Филиппов многозначительно посмотрел на Мякинина.

– Поехали!

Четыре машины, одна из которых был минивэн, полные вооружённых мужчин, включая двух гостей, выехали из ворот школы. Филиппов обернулся к сидевшему сзади Мякинину:

– Когда мы уводим оживших от лагеря, то тащим их в сторону западной части города. Там нет ни дорог, ни зданий. Летом там заливы и болота. Я надеюсь, что зомби провалятся под лёд, как тевтонцы на Чудском озере. Но эти черти постоянно возвращаются в город. Там их долбанная армия! Вон, гляньте: пересекаем Полярную улицу, здесь их уже сотни напозло.

Ожившие, находившиеся негустой толпой метрах в пятидесяти от пересекавших улицу машин, сонно к ним разворачивались.

– Не успеют, мы слишком стремительны для них, – прокомментировал тот самый водитель Олег, который увозил их вчера от СДЮШ.

Машины, пробравшись по глубокой прокатанной снежной колее переулка, вылезли к морскому торговому порту. Хотя, по общепринятым меркам его условно можно назвать морским, так как с Атлантическим океаном его соединяла река Печора. Впрочем, океан был недалеко.

Сюда согнали наверное все полезные машины из города, какие смогли привезти: здесь стояли «Камазы», тягачи, бульдозеры, разного рода грузовики, пара экскаваторов и даже один эвакуатор. Пространство порта стратегически позволяло увидеть оживших и совершить манёвр – либо сбежать, либо остаться. И сами машины были расставлены совсем не привычным российским разгильдяйским порядком – рядами, широко друг от дружки, и проехать, и сразиться. То ли север приучил местных ответственно подходить к выживанию, то ли опасность вынуждает русского мужика стать аккуратным педантичным немцем.

Филиппов первый выскочил из «Ховера», привычно цепко огляделся, показал руками направо, налево:

– Там с десятков и там семеро. Серёга, Виктор, проскочите за машинами, вдруг не видим чего. Работаем, ребята!

Без выстрелов, только ножи и топоры, мужики сами двинулись на рычащих оживших, что заинтересованно шли к добыче. Мякинин, стараясь не отставать от других, ударом арматуры отбил в сторону тянувшееся к нему мёртвые руки, снизу вверх ударил заточенным концом под подбородок, хрястнуло что-то в черепе противника. Миша вырвал оружие, брезгливо отскочил, стремясь не испачкаться тёмной кровью.

– Сзади, на пять часов!

Вроде голос был Филиппова. Мякинин увидел движение краем глаза, схватил зацепившую его руку, присел, перебрасывая через плечо тело. Где-то у уха клацнули жадные зубы. Миша подхватил уроненную арматуру, вонзил её в рот поверженного противника. Тело задёргалось, Рычание превратилось в такой же нечеловеческий предсмертный хрип.

Михаил осмотрелся: на тяжёлом протаявшем снегу лежали уродливые мёртвые мертвецы. Слева метрах в десяти Редькин яростно кромсал поверженного зомби.

– Эй, садист, уймись уже! – окликнул его один из мужиков. Филиппов глянул на Мякинина и, показалось, усмехнулся.

Ещё шестерых убили за машинами, остальные были далеко и не видели людей. Нарьян-марцы деловито, видно не в первый раз, открыли один из гаражей, причём железные двери на удивление открылись бесшумно, вынесли шесть двадцатилитровых канистр с бензином.

– «Апельсин» ваш бегаёт, – сказал Филиппов Михаилу, – его и возьмёте. Бензина до Ухты должно хватить, баки там заправлены. А там уж сами промыслите.

Мужики с грохотом забросили канистры в будку, какой-то северянин передал ключи Мякинину и похлопал его по плечу:

– Привет Москве!

– Заводи, – сказал Виталик, а Редькин добавил:

– Ты поведёшь, с тебя «косяк» за то, что ключи потерял от снегохода!

Стартер обиженно покрутил вхолостую несколько секунд и завёл мотор. По полу будки шуршали загружаемые коробки с продуктами. Филиппов, снизу глядя вверх на сидевшего в кабине Мякинина, напутствовал:

– Удачи тебе. Хотя и недолго знаю тебя, но могу сказать, что ты хороший человек, такой, что нужен в этом новом мире. И, сдаётся мне, что главных врагов ты ещё не видел. Надеюсь, ты понял?

Михаил кивнул, рядом Редькин хлопнул дверью.

– Езжайте, а то эти животные нас уже засекли и ковыляют к нам, – сказал Филиппов и сам закрыл дверь кабины. Мякинин включил передачу, мельком бросив взгляд на идущих в их сторону оживших. Он начал к ним привыкать.

Психолог

– Проходите, присаживайтесь.

Приглашение войти в светлый врачебный кабинет прозвучало неожиданно не обыденно для светловолосого парня с причёской в стиле Билли Айдола. Отвыкший за месяцы зомби катастрофы от врачей и чистоты, парень застрял на пороге, осматривая белые стены, потолок с пятном вокруг крюка с люстрой, двумя ухоженными цветками в горшках, стоявшими на подоконнике.

– Проходите, не стесняйтесь, – повторил седоватый мужчина, лет сорока пяти с аккуратной небольшой бородкой. Улыбчивые глаза обрамлены сетью морщинок. По образу – настоящий киношный, располагающий к себе психолог.

Парень уселся в удобное кресло, Психолог едва заметно дёрнул щекой: обычно он предпочитал располагаться в этом кресле, сел напротив на кожаный диванчик. И диван и кресло располагались перпендикулярно окну, поэтому дневной свет не мешал смотреть друг на друга.

– Вы можете говорить о себе всё, ничего не скрывая. Прошу вас, начните сначала.

– Зовут меня Антон Уткин, родился и жил я в Самарской области в семье электрика и сельской учительницы, пока после самарского института не переехал в Москву, – начал парень, Психолог осторожно перебил его:

– Прошу рассказать с того самого начала. Ну, вы поняли, о чём я.

Антон как на экзамене приосанился, закатил вверх глаза, будто вспоминая ответ, начал рассказ:

– Работал я в Москве на Рязанском проспекте в офисе одного из банков. Я хорошо помню эти первые странные дни: оранжевое небо, на странный цвет которого почему-то никто не обращал внимания, причём этот оранжевый цвет пробивался даже сквозь тяжёлые облака. Ранний сход снега. Вы помните, чтобы к середине марта стало уже сухо? Я нет. И птицы. Они собирались в огромные стаи, носились по небу и улетали.

– Не падали? – уточнил Психолог.

– Что? Нет, зачем?

– Просто многие начало катастрофы связывают со знаменами из Библии и сами начинают верить в свои же приукрашенные факты. Неважно, продолжайте, пожалуйста.

– И запах. Многие его не чувствовали. Такой лёгкий запах... не знаю, как описать. Горелого железа, что ли? Я уже сейчас только думаю, что у меня был иммунитет, ведь многие заразились просто так, не от укусов. И все, кого я встречал живым, чувствовали этот запах, просто не обращали внимания. Я тогда подумал, что здесь что-то не так, наверное, подсознательно желая перемен в своей жизни: постоянное безденежье, нелюбимая работа по десять часов каждый день, но за которую надо держаться, откровенные издевательства работодателей-феодалов, кромешная тьма в будущем.

Сначала передавали про массовые заболевания, но не у нас, а в США и Европе. А затем, когда скрывать больных уже стало нельзя, заговорили и у нас. Как обычно, все болезни завезли в Россию от желающего нам зла Запада. Люди, страдая от нападений отдельных заражённых, всё ещё верили позитивному телевизору: у нас со всем борются, всех побеждают. Показали Европу, где царила полная анархия: разбежалась армия и полиция, на улицах свирепствовали уличные банды и заражённые. Показали наших гвардейцев, которые бодро и умело загоняли разбушевавшихся больных в карантин, храбрых десантников, которые специально остались на сверхсрочку, так как Родина в опасности...

Мы как-то стояли с парнями и девчонками у офиса и курили. Шутили насчёт Апокалипсиса, со смехом строили планы в случае его наступления, подтрунивали друг над дружкой. Между тем у нас в банке уже были заболевшие. Помню, что начинались сумерки, как обычно в

область стояла длинная пробка. Из БМВ Х5, полного хлопцев с Кавказа, открыв стекло задней двери высунулся парень и прокричал девчонкам что-то похабное. Ему даже никто ответить не успел, как парень убрался, а из окна высунулся ствол автомата и дал длинную очередь по нашему зданию. Зазвенели стёкла, заорали, падая на землю девчонки, а кавказцы заржали и продолжили стоять в пробке. Ни полиции, ни гвардии, никого. А дальше становилось хуже.

– Вы всё ещё работали?

– Да, ещё дня четыре точно. Про последний рабочий день я и хочу рассказать. Это как раз и было начало.

В городе начинался хаос. На людей нападали заражённые всё чаще, преступность зашкалила: прохожих грабили и избивали белым днём в людных местах. Транспорт ещё ходил, но с перебоями. Я снимал квартиру в Люблино, оттуда можно было на крайний случай до офиса пройти меньше, чем за час, для меня, как деревенского, это было несложно. А те, кто спускался в метро, рассказывали многое... Ну, я думаю, вы об этом слышали. И вот однажды на работу просто не пришло больше половины персонала.

Несколько слов о моём начальнике, для того, чтобы понять, кто я был тогда. Это был мой ровесник, тоже двадцати шести лет отроду, но рождённый, как говорится, с серебряной ложкой во рту. Папа у него был какой-то туз в холдинге, которому принадлежал наш банк, сына устроил к нам начальником нашего департамента. Не могу оценить его как профессионала, но с воспитанием у него было хуже, чем у быдла с подворотни. Звали его старинным именем Иван. Подчинённых он не считал за людей, постоянно орал, оскорблял, при этом был франтоват, всегда одет с иголки и ездил на хорошей машине. Никто не смел ему возражать, так как никто не хотел в наш постоянный российский кризис остаться без работы, в том числе и я. При нём я дорос до начальника отдела и моя зарплата стала эквивалентна тысяче евро – средняя в Москве и Восточной Европе и просто громадная в России и даже в Подмосковье. Этих денег мне хватало, чтобы отсылать родителям и снимать квартиру. Поэтому я всегда смотрел в рот моему боссу, поэтому и продолжал ходить на работу как баран, когда было ясно, что мир рухнет и каждый заботится о себе.

В тот день Иван был очень возбуждён, впрочем, я никогда его не видел спокойным. Он приказал мне: «Антон, собирайся, едешь со мной!». Оказалось, что мы должны были забрать из дома его жену и двух маленьких детей. Я уселся в его большой внедорожник и мы поехали в сторону Жулебина. Дороги, в том числе и объездные, были забиты машинами, людьми со скарбом, прочь валящими из города. Гвардейцы и военные пытались навести хоть какой-то порядок на трассах. Мы пытались объехать Рязанский проспект, но в итоге вернулись на него и намертво встали в пробку. Иван нервничал, сигналил, орал в окно матом. Какой-то «жигулёнок» не пустил его в ряд, и он не вытерпел и выскочил из машины.

Стоял тёплый апрель, солнце уже неплохо пригревало для весны. Иван был в своём модном облегающем пиджаке. Из «жигулей» вышли пожилой дядька и мужик помоложе в лёгких свитерах, отец с сыном наверное, так как были очень похожи. Иван орал махал руками. В другое время те начали бы оправдываться, кланяясь статусной машине и дорогим шмоткам, но теперь начали с ним драться. Иван был рослый, занимался плаваньем и тайским боксом, но это его не спасло. Драка была секунд двадцать, Ивана свалили на землю, пару раз добавили и сели в машину. Как раз их ряд поехал, а сзади непрерывно сигналили. Чёрт! Я получил удовольствие и испытал злорадство от того, что начальнику навешали лещей!

Какой-то гвардеец, в тёмной полицейской форме, с АКСУ на плече и заломленным на голове беретом спешил к нам. Иван уселся за руль, растрёпанный, с разбитыми губами и носом, злой как цепная собака. Он закричал гвардейцу: «Не видишь, людей бьют на твоих глазах! Арестуй этих маргиналов!». «Заткнись и езжай!» – ответил гвардеец. «Чего?! Да я тебя туда-сюда вверх через низ и отсюда!» – что то вроде этого сказал мой босс, обалдевший от такого обращения. Гвардеец с такой силой пнул берцем по водительской двери, что машина качнулась.

«Вали давай, пока не пристрелил, я сказал!» – выкрикнул он. Да, все без исключения были на нервах. Иван, наверное, впервые в жизни, растерялся, впрочем и трогаться не спешил, хотя ряд и поехал. Не знаю, чем бы закончилась их перепалка, но впереди раздался многоголосый вопль, перекрывший шум пробки. Толпа мертвецов, как огромная стая дружных футбольных болельщиков, вывалилась впереди справа и волной накрыла стоящие в пробке автомобили.

Мы как раз не доехали метров триста до здания Университета. Знаете, длинное такое здание, огороженное забором из железных прутьев. Люди выскакивали из машин: мужчины, дети, женщины, старики, бежали к воротам Университета. Вопли нечеловеческого ужаса, жуткий вой мертвецов, кровь застыла в жилах. В воротах учебного заведения страшная давка: люди нещадно напирала друг на дружку, каждый стараясь первым попасть за железные прутья ограды и в здание, топтали упавших, кто-то не добежал вообще, кто-то в отчаянии пытался лезть через забор. У мертвецов начался настоящий пир. Мне из внедорожника было хорошо видно бойню, что устроили зомби. Память старается избавиться от негатива и вам, как психологу это хорошо известно. Но я хорошо запомнил, как штурк восемь зомби рвали на части крепкого мужчину, который пытался спасти маленького сына. Мужчина не успел умереть до того, как на его глазах малыша разорвали на части...

Я распахнул дверь и меня вывернуло наизнанку. Так говорят в литературе, а тогда я как раз понял, что значит это выражение. Всё это время Иван находился в каком-то ступоре. Подозреваю, что только сейчас до него дошло, что мир рухнул. Не только для всех, но и для таких, как он тоже. Для этого ему нужно было получить по морде от тех, кого он не считал за людей и отлуп от рядового полицейского. Когда меня закончило тошнить, я собирался закрыть дверь, но этот козёл с силой толкнул меня из машины, и я рухнул прямо в лужу своей блевни. Внедорожник Ивана рванул на встречную полосу, разметав из левого ряда пару машин поменьше и, разгоняясь и сшибая бегущих от зомби людей, помчался в сторону центра, благо как раз туда-таки никто не ехал. Что было дальше с ним, я не знаю. Мне неизвестно, удалось ли ему спасти свою семью.

Меж тем, мертвецы текли потоком из дворов и половодьем расползались по проспекту в нашу сторону. Гвардейцы, придя в себя, забирались прямо на крыши стоящих в пробке машин и поливали из автоматов мертвецов. Я не служил в армии, но теперь уже знаю, что попасть точно в голову по движущейся мишени тем более длинными очередями очень сложно. А наша Росгвардия далеко не спецназ. Зомби стаскивали гвардейцев на землю и разрывали их на части. В конце концов, они тоже начали разбегаться.

Мне казалось, что я кадры этого ужаса замедлились, замедлился и я, поднимался, казалось, целый час. Тут я заметил ядовито красную ручку топора, по-видимому выпавшего из соседней машины. Я сунул топорнице за пояс джинсов и побежал.

Бежать оставалось только в сторону дворов, противоположных тем, откуда напали мертвецы. Я неплохо знал этот район: там у меня когда-то жила девушка. Я стартанул со скоростью стометровки и бежал до самой станции Выхино, а это не меньше километра. Мой забег напоминал марафонскую трассу дружбы: бежали все. Я обгонял целые семьи, множество разного народу: гвардейцев, офис-менеджеров, людей в джинсах, брюках, спортивных штанах. Как водится, в такой панике выживали взрослые молодые особи. Взаимовыручка? Не успел заметить, простите...

Так я догнал до Выхино, где станция метро и железной дороги. Когда я добежал, то готов был выплюнуть лёгкие. В глазах было темно и мне уже было всё равно, будут ли меня жрать зомби или я просто рухну замертво. Выхино, если не знаете, это юго-восточная окраина Москвы, прямо перед границей города – МКАДом. Жулебино, куда мы ехали, чуть дальше, но тоже Москва. Инстинктивно я чувствовал, что нужно выбираться подальше от столицы – меньше населения, значит меньше зомби. Перебраться через МКАД, а там Некрасовка, Люберцы – куда занесёт.

Тут произошёл наверное самый забавный случай из всего, что мне удалось пережить. Над железнодорожной станцией проходил гаражный комплекс. На насыпи, соединяющей гаражи и станцию, заселилась огромная колония крыс. Как раз на этой насыпи копошилось десятка четыре мертвецов. Они с фермерской деловитостью разрывали руками норы, доставали грызунов и с аппетитом ели. Они так были увлечены своим занятием, что совсем не обратили на меня внимание, когда я прошёл мимо них и забрался на крышу этого комплекса. Тогда у меня мелькнула мысль, что и от зомби бывает польза.

Пожалуй, осталось ещё пару моментов, о которых интересно рассказать. Когда я прошёл по крышам весь гаражный комплекс и, озираясь, двинулся мимо станции в сторону МКАДа, я увидел, как кто-то машет российским флагом из разбитого окна высотного здания. Оно в районе Выхино стоит особняком, если были, то знаете. Наверное, выплеснутый адреналин совсем свёл меня с ума, но я пошёл в сторону здания. Меня встретил местный отряд самообороны. Я угостился едой, алкоголем. И тут я понял, что стал каким-то другим, я никого не стеснялся, не пытался оценить какой-то статус человека, как-будто спали оковы. С группой молодёжи в закат я поднялся на крышу этого здания. Господи! Хотя я и никогда не видел красот Альп, Тибета или чего там есть красивого? Но зрелище меня заворожило и восхитило. На фоне жёлтого заката красовался – именно красовался! – огромный апокалиптический город. Алым пожаром горели здания, густой дым относил ветром, улицы заполнены машинами, людьми, зомби, сражающимися друг с другом, вспышки разрывов, непрерывный гул, запах гари... а вдалеке Александрийским столпом стоит Останкинская башня и испуганно-кривые башни Москвасити, этого российского Манхэттена. Мобильная связь местами ещё работала, но я не постеснялся потратить заряд аккумулятора на видео и фото. И вот, ты стоишь и понимаешь, что это не конец города, разрушенного противником, а конец мира и ты видишь это и переживаешь...

– Прошу вас, – перебил психолог, – расскажите про вашего первого.

– Ах, да, – спохватился Антон, – вы ведь у всех про это спрашиваете. Ведь убить первого зомби – это на порядок, то есть в десять раз, увеличить шансы на выживание? Ваша, вроде, теория. Молчите? Но и мне возразить нечего. Вы правы: это как раз тот момент, когда ты из жертвы превращаешься в хищника.

Итак. Когда мы спустились с крыши, сидели дальше, как на студенческой вечеринке: тренькала гитара, парни с девчонками при свете свечей играли в настольную игру... И вправду, почему-то в этом здании собралось больше молодёжи. Может я вёл как-то по-другому (я ведь деревенский, приходилось и с суровыми местными общаться), но меня воспринимали как повидавшего жизнь. Были трое ребят из Иваново, у одного молодая жена. На следующий день они собирались двинуться домой. Я тоже хотел попасть домой в Самару, но согласился пойти с ними по двум причинам: во-первых – я хотел подальше убраться от Москвы, чтобы перевести дух, а в компании будет гораздо легче, во-вторых – мне тоже надо на юго-восток.

В общем, собрав невеликий скарб, мы пошли в сторону МКАДа. Стояло мрачное затишье, ни людей, ни мертвецов. Но вы уже знаете, что каждые спокойные пройденные сто метров уже кажутся необычными. Мы перевалили МКАД с замёрзшими в апокалиптической весне машинами. Помню, Санька глянул на часы: всего двадцать минут идём. И вот тот дом, старый, панельный в пять этажей, девчонка в окне старается не напрягать голос: «Помогите!». Все смотрят на меня. Я, кстати, по возрасту самый старший. Девчонка, лет двадцати, кричит о помощи в открытом окне. И вот он трусливый принц с ядовито красным топором заходит в подъезд...

Мне кажется, что сработал инстинкт самосохранения. Зомби занимали пролёт между первым и вторым этажом. Я рубанул топором по мрачным чёрным рукам, тянущимся ко мне, потом, скорее с испуга, ударил по голове первого зомби... Потом оставалось только считать: второй, третий, четвёртый...

Дверь не понадобилось вышибать. девчонка её открыла и сразу проскользнула мимо нас, спрятавшись за меня. Старая фрау, в опрятном платье тянула ко мне когтистые руки. Я убил её.

Спасённая барышня представилась Мариной из города Владимира. Заночевала у подруги, которая сбежала посреди ночи, а её бабуля за это время успела умереть и ожить, охотясь за подругой своей внучки. Марина заперла дверь, открыла окно и стала звать на помощь.

Я всё пытался вспомнить, где я видел эту девчонку? Уже потом выяснилось, что она певичка из поп-группы, которую крутили по музыкальным каналам. Мы решили проводить её до родного города.

Шли вдоль Горьковского шоссе, ночуя в заброшенных домах. Не без приключений, конечно, но речь сейчас не об этом, да и много таких историй вы слышали. Встречали мертвецов, людей, хороших и не очень. Санька погиб в схватке с зомби, а его жена теперь с другом, который тоже шёл с нами. На границе с Владимирской областью какие-то не очень хорошие люди соорудили прямо на шоссе настоящий блок-пост с воротами и брали мзду с проезжающих и проходящих. Деньги, конечно же, были уже не в ходу и эти бизнесмены апокалипсиса брали плату продуктами, оружием и женщинами. Взамен у них можно было также найти и охраняемый ночлег. Так как ни тем, ни другим мы делиться не собирались, то нам пришлось обходить этот пост, делая большой крюк через зомби территорию. Как раз там мы и попали в переплёт, из которого нас вытащили ваши люди. Так мы попали в ваш лагерь.

Антон замолчал, ожидая ещё вопросов от Психолога.

– Итак, миссию свою вы не выполнили, не добрались ни домой, ни в Иваново, ни даже до Владимира. Что собираетесь делать дальше?

Видимо Антон не раз уже думал над этим, поэтому не заставил ждать с ответом:

– У нас с этой девушкой Мариной, как понимаете, завязались отношения, и я теперь чувствую всю ответственность за неё. Пока мы остаёмся в лагере. Это просто чудо, что мы ещё живы, поэтому, когда вокруг творится такое, спешить никуда не стоит, хотя Марина очень переживает за родных, которые находятся всего в каких-то семидесяти-восемидесяти километрах отсюда. Ещё несколько месяцев назад это было не расстояние.

– Да, это самое страшное время для человечества, – кивнул, соглашаясь, Психолог.

– Возможно. Я хочу сказать одну вещь, только не сочтите меня за сумасшедшего, – парень заёрзал на кресле, трудно решаясь высказать свою мысль.

– Как раз-таки сейчас я и ощутил жизнь. Понимаете, мы работаем всё время, чтобы заработать на пропитание и купить какую-нибудь безделицу. С утра до ночи, от выходных до выходных, от отпуска до отпуска. И что? Подходит старость и мы понимаем, что позади у нас пустота. Здесь, просыпаясь каждое утро, я не знаю, доживу ли до вечера. Но я чувствую себя полезным: я хожу в патрули, езжу за продуктами, сражаюсь с мертвяками. Каждую минуту я живу и впервые в жизни я не тороплю время. Я стал гораздо сильнее, чем был, сбросил пятнадцать килограмм сала. Вот, посмотрите!

Антон протянул Психологу фотографию. На ней был изображён улыбчивый офисный пельмень, отдалённо напоминавший худощавого жилистого парня, сидящего сейчас здесь.

– В лагере мне один из парней дал кличку Билли, в честь рок-звезды Билли Айдола. Никогда не знал кто это, да и рок не слушал, а теперь готов отдать пол-ящика консервов, чтобы послушать, что поёт этот чувак.

Билли-Антон посмотрел в окно, будто увидев там свою прошлую жизнь, мотнул головой, стряхивая наваждение, сказал:

– Знаете, с этой девушкой Мариной там, в той жизни, у меня не было бы шансов.

Глава вторая. Дорога с севера.

Нарьян-Мар ещё не скрылся за спиной, как Редькин выудил из-за пазухи квадратную бутылку виски.

– Будешь? – предложил Мякинину. Тот помотал головой. Послышался звук открываемой пробки.

– Как хочешь, мне больше достанется!

– Смотри, не выжри всё сразу, нам долго ехать, – предупредил Михаил.

– Завидуешь? Не бойся, буду экономить.

Редькин какое-то время молчал, прихлёбывая и наслаждаясь подступающим опьянением. Потом его понесло на восторженные разговоры.

– Представляешь, какая свобода! Ни ментов тебе, ни других сатрапов. Бухло в магазинах, жратва бесплатно, тёлок любых бери. Красота!

– Думаешь, ты один такой? – решил позадирать Редькина Мякинин, – Бухло выпьют, еду разберут, а у баб появятся сильные покровители.

– Настоящие пацаны объединятся, а нас с Витьком всегда примут к себе. Так что не пропадём! А ты чем займёшься? Сына будешь искать?

– Да.

– А если он того? Зомби стал или помер?

– Закрой рот! – рявкнул Миша.

– Ой, ой! Ладно, не бойся, всё будет ништяк. Останови отлить.

Потом Лёха снова пустился в философствование:

– Витьку предложу ко мне в Шатуру, всё равно он жаловался, что в Воронеже ему делать нечего. Кто-нибудь из моей босоты точно выжил. Наверное, все выжили. Лёха Медведев жив остался после девяти ножевых, Саньку Борисова ЗИЛ-131 переехал, рёбра поломал, живой. Мне два раза башку проламывали.

«Оно видно», – съехидничал про себя Миша. Редькин продолжал вещать, но Мякинин его больше не слушал, погружившись в свои мысли. Хорошо, что работал ДжиПиЭс, если Нарьян-Мар найти было возможно в случае промаха – всё-таки много дорог вело туда и на одну из них рано или поздно реально выехать – то на небольшой лагерь вахтовиков наткнуться было бы везением. А если ошибиться и принять какой-нибудь размёт в овраге за зимник, то куда тебя черти занесут – неизвестно. Компасом с картой хорошо умел пользоваться только Бетке.

Мысли о сыне развели бы Мишу за часы езды, если бы не беспокойство о дороге. Редькин, нахлеставшись, на третьем часу заснул, почти час перед сном орал песни из блатного репертуара. Путь казался слишком длинным, на пятом часу Мякинин начал беспокоиться: бескрайнее белое волнистое поле, ни живой даже звериной души. Редькин счастливо спал. На исходе пятого часа показался застывший лагерь. Миша едва не закричал от радости и облегчения, к тому же, заслышав шум мотора, все шестеро работяг высыпали на улицу, на ходу влезая в тёплые куртки.

Завидев «Апельсин», Бетке и инженер Варламов довольно переглянулись: обошлось! Да и что, собственно могло случиться? Опять бизнесмены погрызлись, разделили контору, кого-то уволили или закрыли в СИЗО, а про холопов, как водится, забыли.

Из кабины вывалился Мякинин, затёкший после долгой езды в неудобном сиденье, поздоровавшись, сказал удивлённо молчавшим коллегам:

– Будите Редькина, он в дрова надрался по дороге.

Саня Лапшунов неуверенно двинулся к кабине. Юрий Саныч Бетке, совершенно ничего не понимая, спросил:

– Сами что ли приехали? А где водители?

Миша отмахнулся:

– Расскажу, пошли домой.

Лишь Витёк, оглядывая с усмешкой «вахтовку» и проснувшегося Редькина, произнёс:

– Нормально так на снегоход сменяли!

А Редькин, увидев Михайлова, заверещал непослушным языком:

– Витёк! Зомби захватили мир!

– Пошёл ты! – брезгливо сморщился Михайлов, стряхивая редькинские руки с плеч.

– Ну ладно, чего?! – продолжал цепляться Лёха, потащившись за Витком в столовый блок, куда уже зашли остальные.

***

В спальном отсеке мирно храпел пьяным сном Редькин – ему Доктор налил стакан наспех и на глаз разбавленного спирта. Остальные серьёзные и задумавшиеся сидели за прямоугольным кухонным столом друг напротив друга. Миша, перед рассказом просил не перебивать, однако Витёк, посреди повествования, не утерпев, вставил:

– Вы там ничего не курили?

Однако больше реплик не было.

– Фигня какая-то, – потеряно молвил Лапшунов.

Доктор спросил:

– Слышь, Миха, вы когда у этих двух сумасшедших были в магазине, уверен, что они вам ничего не подсыпали?

– Куда? В запечатанный батончик? – раздражённо ответил Мякинин. Он так и думал, что никто не поверит и начнутся глупые вопросы.

– Больно уж фантастично, не обижайся, – сказал Инженер.

– Никто верить не хочет, потому что, если такое твориться здесь на краю земли, то на материке вообще ад. А там семьи, – сделал вывод за всех Фархад.

Молчали только Саныч Бетке, что положив пудовые кулаки на стол, не шевелясь, смотрел перед собой, и Витёк, в голове которого могло вариться что угодно.

– Что бы ни творилось, на материке военные с этим справились, – уверенно рёк Лапшунов.

– Ага, – ехидно подал голос Витёк, – а военные зомби не становятся! Если ими некому командовать, то они разбежались.

Саныч привычно хлопнул огромной ладонью по столу:

– Ладно. Делаем так: сейчас по свету собираемся, ночью встаём, завтракаем и – в путь. Сколько у нас водителей?

– Я, – сказал Инженер.

– Мы с Доктором можем, – подал голос Фархад, – на «Камазе» передача длинная, как на «Волге», к габаритам привыкнем. Не спеша можем ехать. Да, Док?

– Ага, – отозвался Доктор. – Миха, а ты откуда можешь на грузовиках?

– Я в Таманской дивизии служил. Только с самолётом управиться не смогу.

– Ну вот и добро, – подытожил Бетке. – Рано утром мы должны быть в Нарьян-Маре, а до вечера добраться до Усть-Лыжи. Там Печора течёт, если не переправимся, а утром вскрыется, то надолго застрянем. Миша, Редькин не весь вискарь выдул?

– Полбутылки точно осталось. Он литр с собой брал.

– Хорошо, – подытожил Бетке, – неси, помянем рухнувший мир и выпьем за окончание вахты.

Начинались сумерки, светлые и длинные. Из хозблока летели наружу инструменты: лопаты, топоры молотки, скребки, кирка и даже грабли. Канистры с маслами, «незамерзайкой», тосолом.

– Что это? Отработка? Ну и дерьма скопилось!

Инженер пнул ногой полупустую канистру.

– Берите только необходимое! – орал Бетке от машины, укладывая что-то в будку.

– Саньч, генератор брать? – спросил Лапшунов.

– Сдурел? Он всю будку займёт!

– Не основной, а запасной, на 3 киловатта всего! Он запрограммированный!

– Тащи! Если что, выкинем, – подумав, ответил Бетке.

Мякинин заглянул в будку.

– Саньч, матрасы брать не будем. Давай покрывала только какие-нибудь возьмём? Иначе захламмимся в конец. Лучше инструмента взять лишнего.

– Бери.

Открыв крышку капота, Инженер чего-то подкручивал в районе двигателя, подтягивал, ругался, спрыгивал и лез заводить машину. Наконец хлопнул тяжёлым железом:

– Хоть на Берлин идти можно!

В будке раскладывали на дно, пихали под сидения. Сумерки всё густели, а внутри остатки дневного света были безжалостно украдены небольшими окнами – видно уже почти ничего не было. Сыныч, оглядевшись, подсчитал что-то, шевеля губами, будто молясь.

– Что, всё? – спросил больше сам себя.

– Давай, по домам и личные собираем вещи. В три подъём.

Миша поспал часа два, и то сон его победил сам. Впрочем, ночью мало кто спал: то и дело скрипели двери кубриков, шаги шаркали по полу, хлопала входная дверь, затягивая сигаретный дым. Уже проваливаясь в сон, Мякинин подумал, что двери нигде не заперты, вдруг какой-нибудь оживший набредёт на их стан? И уж совсем малореальное: вдруг мертвецы по их следам доберутся?

– Подъём!

Бетке топал по блоку. «Пришли-таки зомби!» – подумалось Михаилу на сонную дурную голову. Хоть и спал чуть, а будто не ложился.

Народ заходил в столовую, мигала лампочка – топливо в генераторе заканчивалось. Инженер, скривившись, констатировал:

– Не успеем поесть, пойду подолью.

Сонный ворчащий Фархад возился у плиты, опухший Редькин клянчил у Доктора спирт:

– Давай, Док, не жмоться! Человеку плохо, похмелиться надо. Врач ты или нет?

Серёга Попов сначала отшучивался, потом в открытую послал надоевшего маргинала. Лёха в другой раз завёлся бы, но сейчас похмелье прессом придавило дурной характер. Он положил голову на стол и периодически мычал, пока остальные завтракали.

– Мороз – это хорошо! Дорога не раскиснет, – Сказал Бетке, когда вахтовики с вещами вышли на улицу. Лапшунов возразил:

– Солнце будет днём. Потечёт всё.

Двери блоков были закрыты. Тех самых блоков, что были жильём им долгое время, а теперь мёртво стыли в этом заснеженном безбрежном кладбище. А ведь сюда уже больше никто и никогда не придёт – подумалось Мякинину – ни вахтовики, ни кто-либо ещё. Кому нужно забираться сюда, на край света? Лишь через сотни, нет, тысячи лет здесь будут ковыряться археологи другой, уже новой цивилизации и строить гипотезы, что здесь было. Кто-то найдёт мякининский потерянный брелок от ключей с эмблемой футбольного клуба «Сатурн» и расскажет всем, что древние люди поклонялись планетам и даже знали, как они выглядят. Кто-нибудь обязательно помянет инопланетян, донесших свои знания до человеческих приматов...

Лапшунов, шмыгнув носом, сентиментально выразил мысль, которая летала также и у Миши в голове:

– Знаете, братцы, мне кажется, что земля больше не круглая, а как блюдце, и мы сейчас стараемся уехать с самого края, пока нас не сдуло в космос.

– Поехали, философы! – поторопил Бетке, – Миша, ты за рулём.

– Почему?

– Ты уже ездил этой дорогой. Притом недавно.

– Ну да, как будто в этой пустыне есть ориентиры, – проворчал Мякинин, забираясь в кабину. Сунул руку под сиденье, с успокаивающим удовольствием нащупал заточенную арматуру, ту самую, которой он уложил нескольких зомби.

***

Дорога едва не убаюкала Мякинина, он несколько раз уходил в какой-то молочный астрал, когда безбрежная ночная тундра сливалась с тёмным горизонтом, лишь подскакивающая на ухабах машина заставляла вернуться в реальность. Рядом мирно сопел Саныч, совсем не помогая бодрствованию.

Нарьян–Мар открылся не как в прошлый раз дворами и крышами домов, а сотнями ходячих мертвецов, уныло бродящих вдоль окраины, которых Мякинин в рассеивающейся мгле, издали принял за множество тёмных колышущихся вех.

– Глянь, Саныч!

Миша пихнул Бетке в бок, тот, сразу проснувшись, вытаращился на зомби, издал восхищённо-испуганную матерную тираду. Миша, доехав почти до города, взял левее, намереваясь выехать на дорогу через посёлок Искателей по заснеженному льду реки Печоры. В будке вахтовки разглядели мертвецов и теперь громко гомонили. Зомби разворачивались на звук машины, тянулись следом, но в скорости явно уступали.

Вахтовка, обоими мостами загребая зимней резиной снег, двигалась по противоположному городу берегу, мертвецы же, хаотично передвигаясь разрозненными нестройными рядами, никак не заканчивались. Мякинин, углядев идущую к городскому берегу колею, свернул на неё. Ближе к берегу дорогу преградили двое зомби, стоящие друг за другом, ещё двое стояли по краям колеи друг напротив друга, их просто швырнуло в стороны железным телом машины, двух других сшибло бампером. Под днищем что-то глухо прокатилось, вахтовка лениво приподнялась, переезжая тела. В будке кто-то вскрикнул: видать совсем ещё непривычно сшибать кого-то, даже пусть уже и мёртвого. Мякинин, впрочем, тоже совсем не привык ездить через зомби, выругался:

– Тупые мёртвые ублюдки!

Машина выехала на Лая-Вожскую дорогу, оставив позади Нарьян-Мар, мертвецов и почти совсем ушедшую ночь. Миша остановил вахтовку:

– Садись теперь ты, Саныч. Смотрю: выспался.

Пока менялись, из будки высыпали по нужде мужики, эмоционально обсуждая увиденных зомби. Даже постоянно усмешливый Витёк, казалось, был шокирован.

Машина тронулась, Миша привалился к двери. Сон медленно начал его обволакивать. Каждый метр приближал его к дому. Как после демобилизации в поезде: ты спишь, а дом движется к тебе, но всё ещё так далеко... Мякинин проснулся от того, что машина остановилась и Бетке ругался:

– Как его так развернуло? Вот придурок!

Было совсем уже светло, солнца, заволоченного облаками, видно не было и это хорошо, так как тепло сейчас вовсе нехстати. На дороге, прямо по диагонали кабиной в сторону материка стояла фура, перегородив проезжую часть. Обочины у дороги, по большей части плоские,

именно здесь были крутыми. Справа фуру объезжали густо заметённые, но заметные следы внедорожника, он проехал прямо по самому краю обочины, у «Апельсина» же были все шансы свалиться.

Вахтовики вылезли из будки, и выстроились у машины, глаза на грузовик. Инженер залез на подножку фуры, подёргал дверь, не открылась, заглянул в кабину сквозь дверное стекло. Громкий глухой удар по стеклу раздался изнутри. Варламов резко отпрянул с испуганным возгласом, свалился с подножки и, вставая, потом снова падая, почти на четвереньках отбежал в сторону соратников. Страшная, с жёлтыми зубами обросшая щетиной рожа, скалила гримасы, растекалась по стеклу, пачкая его жадной слюной.

– Их там двое, – Фархад показал на вторую похожую физиономию, что также скалилась, пытаясь сдвинуть в стороны первую.

– Они ведь не вылезут? – спросил Лапшунов, не отрывая взгляда от замурованных в кабине чудовищ.

– Они не сильнее людей, – успокоил его Михаил, размышляя уже о том, как преодолеть это неожиданное препятствие.

– Надо слегка столкнуть кабину чуть вперёд, и она уйдёт в сторону, – немного путано предложил успокоившийся Инженер.

– Для этого нужно развернуть колёса в сторону движения, – понял его мысль Бетке.

– И кто к мертвякам в кабину полезет? – поинтересовался Витёк.

– Я разберусь, – вальяжно заявил Редькин, – только разбейте стекло, ну или дверь откройте.

– Смелый? – хмыкнул Витёк. Миша, тем временем, достал из будки тяжёлую кирку.

– С капота удобнее будет? – полуспросил Мякинин Редькина.

– Давай, – коротко ответил тот.

Сверху через лобовое стекло зомби смотрелись как в аквариуме: водитель и напарник, в тёплых стёганных куртках и не понять уже было: стары они или молоды. Была б их воля, сами разбили бы стекло, а так стучали по нему тёмными руками с чёрными когтями, тщетно пытаясь добраться до вооружённых жертв.

– Готов? – спросил Мякинин размахиваясь. Редькин кивнул, занося мачете.

Стекло, видать было хорошее, импортное, с первого раза не разбилось, только кирка ушла клювом в пробитую дыру. Мякинин вырвал оружие и со второго раза, приноровясь, выломал «лобовуху» внутрь кабины. Третьим по счёту ударом Михаил снёс голову мёртвому дальнобойщику, оглянувшись, посмотрев, не нужна ли помощь Лёхе. Помощь нужна скорее была мертвецу: Редькин отсек зомби руку по локоть, и, рисуясь, поднял её над головой, обратился к Лапшунову:

– Гляди, Ботаник, а ты говоришь, что они больные!

Зомби, как ни в чём не бывало, рычал, тянулся культёй и целой рукой к Лёхе, норовясь вылезти из кабины, заливая «торпеду» тёмной кровью. Саня не смотрел на Редькина – согнувшись пополам он блевал себе под ноги. Михаил не стал ждать, что изобретёт Редькин: воткнул клевец кирки в череп ожившего. Лёха, расстроившись, спрыгнул с грузовика и пошёл к вахтовке.

Михаил разбил стекло водительской двери, пошарил рукой, находя замок, открыл дверь, и осторожно, стараясь не испачкаться в крови, одного за другим, чертыхаясь, вытащил мертвецов, отволоча их к обочине. Забравшись в кабину, навалился на руль, но тот едва сдвинулся: гидроусилитель отказался работать без зажигания. Он выбрался на подножку, повис на руле, грозя его оторвать. Ничего. Мякинин нащупал замок зажигания, ключ был там и повернут. Аккумулятор был полностью сдохший.

– Ну чего, капут фуры?

Инженер стоял у подножки и снизу вверх смотрел на Михаила, в руках вертел длинный гибкий прут.

– Я проверил бензин в баках, его нет, – продолжил Варламов, – «Вахтовкой» мы его не сдвинем, если не вывернем руль.

Мужики собрались у кабины. Бетке продолжил за Инженера:

– Нам придётся заправиться, чтобы прикурить фуру и отодвинуть её.

– Ёшкин кот! – выругался Фархад, – Литров пять-семь потеряем! А ведь каждая капля на счету.

– Не будем терять времени, – скомандовал Саныч.

Запасливый Инженер вытащил откуда-то длинные провода с зажимами, сам отмерил бензина, залил в бак. Бетке подогнал «Камаз», вместе с Варламовым завели фуру, вахтовики радостным матерком похвалили коллег. Фуру отодвинули на самый край обочины, теперь «Апельсин» мог проехать совсем её не цепляя.

– А мёртвых так и оставим? – спросил Лапшунов, когда вахтовики полезли в будку. Редькин не задержался с ответом, сказал за всех:

– Тебя с ними оставим. Как похоронишь, так догоняй...

Ещё часа полтора ехали без приключений и довольно быстро, местами разгоняясь даже до восьмидесяти километров в час. Лапшунов, наблюдая в окно за всё больше обрастающим деревьями тундровым пейзажем, засёк стадо оленей, но никому не сказал, так как опасался, что мужики начнут охотиться и потеряют время, а ему очень уже хотелось домой и еды пока хватало.

«Вахтовка» остановилась, водитель Варламов и Бетке, сидящий рядом, вышли из кабины, хлопнув дверями. Михаил вылез за ними:

– Что за хрень?

– Замёт, – отозвался Саныч, – снегу намело. Разгрузаться надо.

Витёк с Редькиным заленились:

– Мы здесь посидим, лишние сто пятьдесят килограмм не засадят машину. Конца этому замёту не видно, сколько идти? Километров пять, не меньше?

Инженер, подумав, махнул рукой:

– Залезайте все обратно, сядем, так вместе будем вытаскивать!

Варламов переключился на два моста, машина по-драконовски тяжело басовито вздохнула и начала зарываться в снег. Инженер, раскрасневшись от напряжения, стянув губы в нитку, подался вперёд, будто это помогло бы «вахтовке». Машина, осев, пошла вперёд.

– Есть! – воскликнул Инженер. – Глубина сугроба позволяет ехать.

– Не знаю, чтобы мы, Олег, без тебя делали, – искренне восхищался Бетке, – фуру бы не завели, и как ты догадался провода кинуть в дорогу? Застряли бы в этом чёртовом замёте, будь я за рулём или Миха.

– Цените меня, ха-ха! Не говори «гоп!», Саныч, сугробы не кончились.

Машина дёрнулась и взревела, прося надавить на газ, замёт закончился.

– А нам везёт, – хмыкнул Варламов, выключая задний мост, – четыре километра и мы снова на дороге. Если дальше удача будет к нам лицом стоять, то до сумерек в Усть-Лыже окажемся.

– Вряд ли, – засомневался Бетке, – дорога сейчас пойдёт мокрая и скользкая, за ней никто не ухаживает.

Как будто услышав Саныча, машину повело, и Инженер сбавил до сорока километров, выравнивая «вахтовку».

– Поменяться не хочешь? – спросил Бетке. Олег помотал головой:

– Нормально. Скоро посёлок Харьегинский, там посмотрим. Парни, слышу, обедают?

Из будки раздавались возбуждённые голоса и смех, среди которого раздавалось визгливое хихиканье Редькина.

– Надеюсь, что Док спирт не выдал, – ответил Бетке.

Олег ожидал, что Харьягинский встретит их если не людьми, то хотя бы стоящей на обочине техникой. Он уже не ждал, конечно, увидеть дымящую трубами промзону, вылезавших из ангаров и теплушек поглазеть на гостей работный вахтовый люд, но увиденное его совсем удручило: мёртвые блоки, стынущие железные опоры с мёртвыми макаронами высоковольтных проводов, погасший газовый факел и жёлтый свет солнца, такой же мёртвый, не греющий, просто светящий сквозь разгромленные истончённые облака. А метрах в стах от дороги, около полуразобранного ржавеющего грейдера, завязли по колено в сугробе три расхристанн-ные фигуры, они не махали руками, призывая остановиться, просто раскачивались из стороны в сторону, неуклюже пытаясь вырваться из объявшего их снежного капкана.

– Проедем дальше, – вырвалось у Инженера. Саныч молча кивнул, погладив цевьё карабина, прислонённого к «торпед». Подумалось: не дай Бог здесь вдруг вывалиться из машины и остаться.

За Харьягинским – заправка, очень нужная здесь в жилые времена, когда зимник, как артерия, питал полярные посёлки. Остановиться здесь было нужно и Санычу не пришлось говорить Инженеру, он понял сам, сбавил ход, остановился метрах в пятидесяти, не доезжая.

– Я думаю, что никого кроме нас здесь не было ближайшее месяцы, все мимо проезжали, – сказал Варламов и кивнул в сторону бродящих меж колонок и около магазина зомби.

– Чё остановились? – вопрос из будки голосом Витька, отчётливо услышанный при заглушённой машине.

– Заправимся, – рыкнул Бетке, выпрыгивая из кабины с карабином.

– Не стрелять! – скомандовал Михаил, удивив Саныча: Мякинин держался особняком, в меру подчинялся и никогда не командовал. Обошёл кабину, открыл водительскую дверь и обнажил из-под сидения свою арматуру.

– Для них выстрел, что набат в деревне, – деловито пояснил Редькин, ожидая Мякинина.

– Цып, цып, цып! – крикнул Лёха, картинно вращая кистью мачете.

Бетке с интересом смотрел на происходящее: какой-то антизомби-спецотряд из двоих абсолютно противоположных людей.

Оживших было всего пятеро. Мякинин и Редькин двигались параллельно, сами того не осознавая, старались прикрыть друг друга. Миша по-мушкетёрски выпадом проткнул глаз первого, второго подошедшего пихнул рукой в грудь для дистанции, потом сделал то же самое. Лёха пока вытаскивал из черепа зомби мачете, сам чуть не оказался жертвой, друг Витёк сильным толчком опрокинул уже схватившего за редькинскую куртку мертвеца.

– Три два в твою пользу, робокоп! – крикнул Витёк, вытирая о второго своего убитого здесь зомби мачете и наблюдая, как Михаил вытаскивает изо рта своего третьего умерщвлённого зомби окровавленную арматуру.

– Ничо, в магазине сравняемся! – пообещал Редькин и запел какой-то набор слов из суржика русского языка и иврита: «Он в верливкотовом клифте и фендиперстовый на вид...».

Однако магазин – не улица, свет закончился на пороге частью разбитой витрины, дальше – магазинные стеллажи, уходящие в таинственную злобную тьму помещения. Редькин замолк, под ногами захрустели стекольные осколки и пачки чего-то выпавшего со стеллажей.

– Урр!

Раздавшийся рёв и последовавший за ним стук заставил вздрогнуть мужиков.

– Откуда это? – спросил Лапшунов, вертя головой.

– Сюда!

Фархад, двигавшийся вдоль правой от входа стены, позвал к себе. Показал на дверь туалета подошедшему первым Бетке. Дверь, сделанная из древесных панелей, вздрагивала от ударов. Кто-то очень сердитый и рычащий колотил изнутри по ней. Саныч поднял карабин.

– Дверь открывается внутрь, нужно толкнуть её, – сказал он.

– Ты мне предлагаешь это сделать? – поинтересовался Фархад.

Бетке ответить не успел, Михаил остановил их обоих:

– Пусть сидит. Ему не выбраться. По крайней мере, не при нас.

Фархад с удовольствием отошёл подальше, а Саныч нехотя опустил карабин, прокомментировал:

– Не повезло кому-то: пошёл на горшок и превратился в зомби.

Грохот вздрогнувшего и сдвинувшегося с места стеллажа привлёк к себе внимание. С полок падали, подскакивая по полу, пластиковые бутылки с напитками, вслед за ними, борясь, свалились два тела в одинаковых тёмно-синих зимних куртках. Собравшиеся вокруг вахтовики не сразу поняли, где кто, пока Инженер не оседлал мертвяка сверху и не начал с яростью бить его по страшной морде. Михаил рывком стащил Варламова, замахнулся арматурой, но Редькин опередил, развалив мёртвую голову своим мачете.

– С одного удара научился убивать! – похвастался.

– Ты нормально? – спросил тяжело дышащего Инженера Михаил. Тот кивнул и разрядился бранью:

– Надо было сразу в цистерны полезть бензин смотреть, нахрена я сюда попёрся?

Фархад, возившийся у прилавка, зазвенел связкой ключей, привлекая к себе внимание:

– Я нашёл от люков, которые цистерны закрывают, не надо замки сбивать. Держи!

Ключи полетели к Варламову.

– Значит, до нас никто не заправлялся, – сделал вывод Лапшунов. Витёк с Редькиным тут же его обсмеяли:

– Капитан Очевидность! Мертвяков они не заметили типа?

– Шабаш! – рявкнул Бетке. – Собираем то, что найдём полезного. Из канистр выливаем, на фиг, «незамерзайку», заливаем бензин. Оставьте только тем, кто за нами поедет, люди к нам хорошо отнеслись.

Почти час в общем провозились на заправке. Бетке смотрел на часы, качал головой. Инженер, заметив беспокойство Саныча, захлопнув люк, подошёл к нему:

– Нам километров двести осталось максимум. Сейчас два часа, до шести точно доедем.

Расселись в машину, Варламов снова был за рулём.

– Точно поменяться не хочешь? – спросил Бетке.

– Со мной точно успеем. С твоей немецкой педантичностью до ночи будем ползти, а Мякинину танк только и водить.

Саныч указал глазами на платок, обмотанный вокруг костяшек Олега:

– Что с рукой?

– Разбил об рыло этого... как его... язык, блин, слово «зомби» не поворачивается сказать.

ДжиПиЭс ещё работала. С восторгом пролетели границу полярного круга, в будке топали и реготали. Замётов больше не было, как и ничего живого. Лишь раз перебежал дорогу северный заяц, да вдалеке серыми точками прошёл олений отряд. Несколько раз проехали мимо зимовок: заснеженные домики без каких либо признаков присутствия человека, с нечищеными подходами ко входам, с бахромой сосулек на обтаявших крышах.

Ехали довольно быстро и к началу шестого, ещё до сумерек, показалась Усть-Уса. Дорога почти за километр до посёлка оказалась на удивление до асфальта вычищенная от снега и такая довела прямо до огромных ворот, снятых с большого гаража для грузовиков и приваренных на столбы. От столбов гротескно разбежался забор, точнее баррикада из железных листов, деревянных щитов, брёвен, старой мебели и просто металлолома. Видимо, весь посёлок было

трудно охватить, да и защищать такой тяжелее, поэтому жители огородили чуть больше трети поселения, превратив её в цитадель.

Машина урчала не выключенным двигателем, вахтовики ненарочно выстроились перед капотом, оглядывая посёлок.

– Да это же долбанная крепость! – восхитился Фархад.

– Посигнальте кто-нибудь, уснули там они что ли? – распорядился Саныч.

Но сигналить не пришлось, простонала на ржавых петлях скрытая в воротах калитка, вышли из неё два бородатых мужика в тёплых камуфляжных куртках с ружьями в руках, стволы были направлены в сторону. Вахтовики были бородаты не меньше, брился только Мякинин и Витёк, когда-то познавший вшей и теперь регулярно голивший голову и лицо, впрочем, оба они обросли за сутки щетиной, да Доктор коротко остригал бороду.

– Здорово, бродяги! А неплохо вы тут устроились! – развязано весело поздоровался Редькин.

– И вам не хворать. Кто вы и откуда такие? – поинтересовался тот, что справа.

– Из Нарьян-Мара едем домой на материк, – хмуро ответил Бетке, ему сейчас меньше всего хотелось отвечать на вопросы.

– Тогда вам лучше сегодня и переправиться, – сказал тот, что слева, – лёд уже стреляет просто смерть! Завтра можете не успеть.

Было ясно, что жители крепости не были настроены на долгий разговор и поболтать «за жизнь» с ними не удастся. Саныч ничего не ответил, продолжая мрачно смотреть на мужиков, вахтовики, тоже не проронили ни слова, переглядываясь и посмотрев в сторону реки Лыжи, как будто можно там было что-то увидеть, тем более, что до неё было ещё километров пять.

– А чего, мост так и не построили? – проявил осведомлённость Витёк.

– Деньги у властей закончились на половине моста, – ответил «левый».

– И чего, за ночь, хочешь сказать, что-то изменится? Ледоход начнётся? – не унимался Михайлов.

Вахтовики, заразившись тяжёлым настроением Саныча, переминались с ноги на ногу, всем стало понятно, что им особенно здесь не рады. Время было дорого, и Бетке решил поставить точку в разговоре:

– Вы, я думаю, довольны, что моста нет. Лёд сойдёт, понтоны наладить некому, вы ограждены и от чужаков и от оживших мертвецов. И я так понимаю, что ночлега вы нам не дадите?

Наверху стены клацнул затвор: ствол, поставленный на треногу, будто приносиваясь, повёлся из стороны в сторону аккуратно вдоль выстроенных вахтовиков. «Коротковат для ПКМ», – подумал Мякинин. Скорее всего АКМ или вообще «сайгу» поставили на сошки для того, чтобы напугать пришельцев, но проверять теорию смысла не было. Зато щёлкнувший затвор придал уверенность камуфлированным мужикам.

– Не обижайтесь, ребята, – почти миролюбиво произнёс «правый», – но мы только у себя порядок навели. Очень боимся заражения, семьи здесь всё же. Там за рекой Прокопич живёт, отказался к нам переходить, через это у нас его отшельником зовут. Не знаем, что с ним, но у него остановиться можете. А лучше совет: езжайте дальше. Вас много, можете и ночью ехать. Только не останавливайтесь. Если не мертвецы, то волки совсем обнаглели, а с оружием у вас, гляжу, не очень.

– Сами вы волки! – Витёк зло сплюнул в сторону и полез в будку. Вахтовики тоже начали расплзаться.

– Что с рукой? – спросил «левый».

Вахтовики, уже мысленно вычеркнув мужиков из жизни, не сразу поняли вопрос. Инженер первым сообразил, что спрашивают его. Посмотрел на платок, обмотанный вокруг костяшек, ответил:

– Поцарапался.

– Мертвяки?

Кто из мужиков спросил, отвернувшееся вахтовики уже не видели, как не видели того, что те переглянулись коротко, но многозначительно.

– К утру в Печоре точно будете, вас там примут! – крикнул один из мужиков, но его не слышали, «Апельсин» разворачивался, чтобы ехать к переправе.

– Козлодой, блин! – сказал Редькин и сплюнул на урчащий пол «вахтовки».

– Почему козлодой, а не козодой? – поинтересовался Фархад.

– Потому что козлов доят! Как ты себя на вахте ночами, скучая по жене, – прорывал Лёха. Витёк заржал, машина, тяжело качая боками, набирала скорость.

В кабине Инженер с Саньчем обеспокоены были другим. Олег спросил, советуясь:

– Надо загатить, наверное? Заедем на лёд, он разъедется. Пила есть, если что – твой родной немецкий «Штиль».

Бетке, подумав, покачал головой:

– Уверен, что врут. Времени убьём до утра, валя деревья и гать наводя. Сил и так уже нет ни у кого. Лёд можно и пешком проверить.

Сумерки ещё не закончились, и, на застывшей ленте реки можно было разглядеть безснежную уже серость льда. Инженер Варламов вылез из кабины, пошёл на реку, доставая из-за пояса топор. Вахтовики тоже повылазили, таращась в след Инженеру, зажглись огоньки сигарет, и только Мякинин пошёл за ним. Олег дошёл до стрежня, там лёд был тоньше всего, минут пятнадцать усердно колотил по нему топором, пытаясь пробиться к воде, потом топор перехватил свежий Михаил, оба вернулись довольные:

– Проедем!

Машина довольно ходко перебралась через реку, под аккомпанемент комментариев Инженера:

– Если ровная погода будет, то лёд неделю минимум, а то и две простоит, а то и две. Не могли не знать, гады! Вот тебе и хваленая северная доброта и гостеприимство! Хотя их тоже можно понять, да, Саньч? Мир сейчас съёжился до таких лагерей-городков. Вон, Мякинин тоже говорил, что в лагерь в Нарьян-Маре всех нас не пустят. Привыкать надо.

«Апельсин» выехав из реки, забрался на берег. В будке радостно заорали. Бетке показал на негустой забор, местами поваленный, за которым возвышался срубной двухярусный дом с по северному узкими пластиковыми окнами:

– Вон тот самый монах живёт.

– Не монах, а отшельник, – поправил Олег.

– Какая разница?

– Монах, это тот, кто в Бога верует, а отшельник может просто от людей уйти. Блин, ты чего, Саньч, вроде в России всю жизнь прожил, а не знаешь элементарных вещей, – упрекнул Олег, останавливая и заглушая машину прямо на дороге – всё равно никто не поедет.

– Эй, хозяин! – рыкнул Бетке, проходя повисшую на одной петле калитку. Оглянулся на вахтовиков, те вообще предпочли пройти широко сквозь поваленный пролёт. Уже здесь с порога было ясно, что хозяин вряд ли сидит дома. Вахтовики разбрелись по двору, и никто первым не решался пройти в дом. Мякинин присел на корточках возле собачей будки и с интересом рассматривал цепь, которую вытащил из-под снега, вертя в руке сломанное звено, комментируя:

– Пёс сидел на этой цепи может быть не один год – свалявшаяся шерсть в будке одного цвета. Потом сорвался. Одно из двух: либо его что-то очень сильно напугало, либо его утащили волки. Это было давно, так как цепь завалило уже несколькими снегопадами. Можно поковырять глубже, чтобы точно узнать, но у меня желания нет. Кто-нибудь хочет попробовать?

– Следов нет тоже около дома, – отозвался Бетке, – к крыльцу не подходили, по меньшей мере, месяца три.

– Так поехали дальше, не будем внутрь заходить – предложил Лапшунов. Тут же отреагировал Доктор:

– А вдруг в доме есть оружие или консерванты?

Редькин ехидно скорчил рожу и спросил Лапшунова:

– А ты боишься что ли?

– А ты? – огрызнулся Саня.

– Чё?! Голос прорезался, Ботаник?

Лёха, набычившись, пошёл на Лапшунова. В другое время всё закончилось бы оскорблениями со стороны Редькина и дипломатическими попытками Сани уйти от конфликта, но сейчас все были злые, невыспавшиеся и усталые от дороги. Лапшунов, выпростав руки из карманов куртки, чуть пригнув голову, ждал противника. Бетке, который на правах старшего всегда влезал во все конфликты, как ни бывало, продолжал что-то вынюхивать у крыльца. Витёк, довольно расхмылив полубеззубый рот, с интересом ждал развязки, Доктор и Фархад, стоявшие рядом, досадно морщась, тоже ждали, чем всё закончится. С тем же выражением лица стоял и Инженер, сложив руки на груди и облокотившись спиной на радиаторную решётку «Камаза». Миша также продолжал сидеть на корточках около будки, ему уже надоели задиранья Редькина, и он сейчас просто решил не обращать внимания, его голову занимала другая мысль: что находится в доме и стоит ли идти туда одному, так как другие желания не выказывали. Да, наверное, лучше сходить, пока кто-то решится, оглядываясь на другого. Мякинин поднялся и пошёл в сторону входа и крутившегося там Бетке.

Тем временем, приблизившийся Редькин резко без замаха ударил Лапшунова по лицу. Но, то ли случайно, то ли Лёха просто не рассчитал расстояние, кулак только чиркнул Саню по скуле и тот, с воплем, кинулся на Редькина. Последний раз Саня дрался, да и то в шутку дурачась, то ли в институте, то ли даже в школе, он неуклюже лез на Лёху бороться, хватая того за грудки, за пояс, пытаясь пройти в ноги. Редькин, поднатаскавшийся в уличных драках, увораживался, отходил, отвечая резкими, пусть не всегда точными хлесткими ударами, но, хоть он и был выше ростом Лапшунова, ему явно не хватало силы и массы, чтобы отправить его хотя бы в нокдаун. Редькин испробовал распространённый уличный приём: натянуть полу одежды на голову противника и дубасить, пока не упадёт. Не вышло: лапшуновская куртка была плотно стянута снизу вшитым шнурком, и Лёха, пропитая и прокуренная выносливость которого была на исходе, оказался нос к носу с более неуклюжим, но тяжёлым и не менее яростным врагом. Саня, стеная и вопя, обхватил Лёху за шею, взял его на удушение, валя на землю всей массой. Оба тела закатились по снегу, как в документальных фильмах про животных, когда питон душит смертельно опасную гремучую змею.

– Есть топор?

Миша подёргал деревянную, по старинке обитую толстым утеплителем и дермантином дверь. Врезной замок был заперт, но его язычок хлябался в расшатанной временем дужке. Бетке подал широкий крепкий северный охотничий нож. Мякинин помотал головой, отказываясь. Он вытащил из-за пояса арматуру и с размаху воткнул её в косяк рядом с замковым язычком, надавил в сторону, отжимая его, налёг на дверь, которая достаточно бесшумно для старых петель, распахнулась во внутрь, открывая вид на маленький неотопливаемый коридор, соединяющийся такой же старинной дверью с домом. Дверь была приоткрыта достаточно для того, чтобы прошёл хотя бы один человек.

– Так, ё-моё! – выругался Миша соображая и отходя на шаг назад.

Рослый косматый оживший стремительно вывалился на Мякинина из коридора. Миша, державший арматуру наготове, не успел ей ни замахнуть, ни поднять, сунул её вперёд протыкая живот зомби и свободной рукой оперевшись в его грудь. Доля секунды понадобилась Мякинину, чтобы сообразить, что разгон туши чудовища был достаточно для того, чтобы при жёстком противостоянии достать до его шеи. Подался назад, намереваясь погасить напо-

ристую атаку зомби и упал с крыльца вместе с чудовищем, катаясь по ступенькам. Миша мягко рухнул спиной в сугроб отпихивая от себя оказавшегося сверху зомби. Оживший безумно трепыхался стараясь приблизиться к Мякинину, чтобы его укусить. Миша чувствовал, что силы скоро закончатся, а сбросить в сторону мертвяка вряд ли получится.

– Саныч! Саныч, твою мать! – позвал он.

Лёха с Саней в драке умяли снег в радиусе десяти метров от эпицентра начала схватки. Они сами не заметили, как подкатились ближе к дому. Лапшунову удалось захватить редькинскую шею в замок, и он старательно, как мог, сжимал её. Успешно надавить предплечьем мешал ватный рукав тёплой куртки, но Лёха всё равно хрипел и не мог вырваться. Почувствовав рядом смрадное тяжёлое дыхание, Саня поднял голову и увидел ожившего, который пытался добраться до Мякинина. Мертвяк тоже увидел нового живого, дёрнулся в его сторону и радостно клал зубами прямо у разбитого в кровь лапшуновского лица. Саня заорал с испуга, но Редькина не выпустил. Михаил, воспользовавшись секундной передышкой, нечаянно качнул ожившего в сторону Лапшунова. Зомби снова открыл пасть и в этот раз у него бы получилось, но наконец подоспевший Бетке, схватив его за шиворот, с силой швырнул в сторону. Драчуны расцепились и тяжело дыша, смотрели на Саныча и зомби. Рядом, такой же усталый и заснеженный, медленно поднимался Мякинин.

Бетке вскинул карабин и выстрелил ожившему в грудь почти в упор – шагов пять их отделяло друг от друга. Зомби дёрнулся и пошёл на Саныча.

– В голову стреляй, в голову! – одновременно завопили Редькин и Мякинин. Саныч явно не успевал. Из-за его плеча мелькнул обух топора, и лезвие с глухим стуком воткнулось в череп ожившего.

– Молодец, Олег! – вырвалась из Мякинина похвала Инженеру. Сам он пытался трясушимися от адреналина руками вытащить из пачки сигарету, не получалось.

– Здоровый, видать, мужик был при жизни, чуть троих не задрал, – сказал подошедший к месту битвы Фархад. Посмотрел на кряхтяще поднимающегося Редькина, уточнил:

– Четверых.

Лапшунов был основательно избит: из носа и губ сочилась кровь, обе скулы заплыли, Редькин же был поцарапан и помят. Лёха, победно оглядел Лапшунова, спросил:

– Ну что, получил?

– Я победил! Если бы не зомби, я бы задушил тебя, – с вызовом ответил Саня.

– Может, продолжим? – посерьезнев, снова спросил Редькин, хотя воинственный вид из него куда-то испарился.

Лапшунов не успел ответить, подошедший Витёк, нервно хихикая, хлопнул обоих драчунов по плечам:

– Добро пожаловать в хату, бродяги!

В доме темнота сгустилась до ночной. Вахтовики, включив фонари и опасаясь нападения, обыскали его, стараясь не разбегаться друг от друга. В доме было смрадно, пахло разлагающейся кровью. Источник вони нашли на кухне. Видать хозяин, прежде, чем умереть, собирался что-то приготовить из большого куска мяса, потом, обратившись, сожрал его, разбрызгивая везде кровь. Из полезного нашли различные консервы: тушёнка, горох, фасоль, сгущёнка и даже пару банок красной икры. Собрал всё в кучу получили наполненный ящик. Редькин с Витьком нашли немного золотых побрякушек и тысяч десять рублей, рассовали всё по карманам.

– И зачем вам всё это теперь-то? – подивился Фархад.

– Пригодится, – ответили друзья.

В зале, пробегая лучом фонаря по пустому дивану, стенам и старому кинескопному телевизору, Доктор задумчиво спросил, ни к кому не обращаясь:

– Сюда дошла эпидемия, или кто-то заразил отшельника?

– А где тут подпол? – спросил чей-то приглушённый деревянной перегородкой стены голос.

– На улице посмотри, там вход должен быть! – ответил Саныч.

Вход скорее всего был тщательно замаскирован от людей и скорее всего, мертвецов, поэтому его не нашли в окончательно спустившейся на землю тьме. Инженер, не участвующий в обыске дома, развёл из разломанных заборных досок костёр, наполнил взятый из кухни котёл снегом и грел в растаявшей воде консервы. Голодные вахтовики подтягивались к огню.

– Ну что, поужинаем и поедем? – сказал Олег.

Мужики жадно умяли тушёнку с консервированной гречкой в прикуску с черствеющим хлебом. Отужинав и сыто рыгая, полезли в охладевший «Апельсин». Инженер завёл машину прогреть, вылез обратно на улицу, где оставался теперь только Бетке.

– Слышь, Саныч, поведёшь ты теперь?

– Конечно. Что случилось, Олег? Ты к еде едва притронулся.

– Да устал чего-то, подстыл ещё, наверное. Знобит слегка. Позови Мишу в кабину, мне в будке бы посидеть.

Бетке кивнул, хмурясь смотря на Варламова:

– Ты береги себя. Вы с Доктором самые нужные люди у нас в бригаде.

Машина снова затряслась по дороге. Часа в три ночи поменялись. ДжиПиЭс пропал местами, но когда появлялся, было ясно, что едут правильно. Впрочем, и свернуть здесь было особо некуда.

Печору увидели в развеявшихся сумерках. Частные дома пошли гуще, образовывая небольшое приречное сельцо, вымершее, не дымящее трубами печей, выметенное от людей, машин и даже собак. Село закончилась, и дорога снова побежала через лес, а затем и вовсе закончилась, оперевшись в стынущую подо льдом реку. Лёд уже обтаял у берегов, готовый вот-вот тронуться.

Михаил, чертыхаясь, включил свет в кабине, развернул карту, сомневаясь, что правильно свернул с основной трассы. Пробудившийся Бетке потянул к себе карту, прошёлся по рисунку заспанными глазами, выругался:

– Блин, тут нет моста через реку! Только железнодорожный. Видишь пунктиры? Паром ходит летом, а может пантоны наводят.

– Твою же ты налево! – выругался Мякинин. Он выскочил из кабины, как будто могло произойти чудо и мост, как в сказке, соединит Печору и берег, где они стояли. Из будки вылезли вахтовики, сонно потягиваясь.

– Чё, приехали? – осведомился Витёк.

– Ага, только не въехать в город нам без моста, – зло ответил Михаил.

– Как так? Какого, на хрен, моста?

– А так, не сказали нам, что в город только зимой и летом попасть можно.

– Я говорю – козлодой! – крикнул Редькин.

Мужики заматерились. Михаил включил мобильный телефон, поднял вверх, поводит туда-сюда, вылавливая связь. Ничего. Несколько мужиков сделали тоже самое, запищали мелодии включаемых смартфонов, как из другого мира. Фархад выругался – его телефон разрядился.

– Как Варламов? Где он вообще? – спросил Бетке.

– Температура у него. Тридцать восемь. Грипп, по всей видимости, – ответил Доктор.

– Нам надо в эту драную Печору, а то Инженер перезаражает нас всех к чертям! – сказал Витёк.

– Да где ему грипп подхватить? Простыл от чего-то, а она не заразная. Может, продуло где-нибудь, – защищал доктор Серёга Попов.

Как раз из будки показался Варламов со стянутой с лица марлевой повязкой.

- Ты чего, ёлки-палки, Инженер, намордник снял? – встрепенулся Витёк.
- Я всё слышал, – ровным голосом сказал Олег, – обо мне не беспокойтесь. Едем дальше.
- Что там дальше, Михаил? – обернувшись к Мякинину, спросил Бетке.
- Ухта. Около трёх сотен километров.

Лапшунов, физиономия которого от побоев к утру совсем заплыла, и он стал похож на японца, грустно изрёк:

- Часов пять-шесть, если форс-мажора не будет.
- Какие, блин, мажоры, Ботаник? Мертвяки кругом. Тебе, по ходу, Редькин совсем башку отбил, – упрекнул Лапшунова Витёк. Лёха, что примечательно, промолчал.

Михаил молча залез в машину и завёл мотор.

Всю дорогу ехали молча. Бетке, хоть и не спал, всё смотрел в окно, на мелькавший лес, редкие вымершие посёлки. Мякинин даже не пробовал заговорить, скрывая раздражение от всей ситуации, усталости, Редькина с Витьком, Лапшунова, у которого была блестящая возможность свернуть Лёхе шею, от Инженера, который заболел и мог стать обузой. Через три часа поменялись, и Миша лёг спать.

Он проснулся, когда «вахтовка» остановилась. Косматый небритый мужик в армейской шапке и поэтому больше похожий на партизана, открыл дверь с его стороны. Михаил, совсем не понявший со сна, чего происходит, спросил:

- Что это?
- Блок-пост, – по-военному отрапортовал «партизан».
- Где мы, в Ухте?
- Сосногорск. Это пригород. Да вылазьте вы уже, не с руки с вами говорить, – велел мужик.

Вахтовикам приказали сидеть в машине, Бетке с Мякининым отвели на пост, оборудованный по всем правилам военного времени: из бетонных блоков, с бойницами, оборудованными стрелковыми гнёздами, ходами для отступления. Местные рассказали, что пост поставили на развилке трёх дорог, одна из которых вела в Сосногорск, вторая в Ухту, третья проходила между двумя городами.

– Зачем вам в Ухту? – осведомился пожилой умноглазый мужик, бывший здесь за старшего.

– Может, кто живой там и остался, но большинство, кто смог или захотел, перебрались в Сосногорск. Он поменьше и в нём легче скучиться. В Ухте полно мертвецов. Часть из них пробирается через лес, мы выставляем посты, уничтожаем их. А впрочем, как хотите: в Ухту мы вас даже легче пропустим.

Саныч с Бетке плохо сообщали: шутка ли, больше суток в дороге, но здесь поняли, что их готовы принять.

- Мы устали просто зверски. Нам бы переночевать, а завтра утром уедем, обещаем.
- Больные, укушенные есть? – строго спросил средних лет мужик в армейской тёплой куртке, со звёздами подполковника на погонах.
- Нет, – опережая Бетке, соврал Мякинин.
- Что ж, мы посмотрим, – сказал, поднимаясь с табурета, подполковник.

Досмотр ничего не дал: из оружия только карабин Саныча, пистолет Михаил успел спрятать, а потом снова достал. Больше всего боялись за Инженера, но он вёл себя молодцом, сидел, развалившись на сидении, изображал из себя здорового. Их пустили, объявив строгое правило: с оружием из дома не выходить! Нож, да, можно. А подполковник добавил:

– И не вздумайте хулиганить! Мы уже сто лет друг дружку в лицо знаем, а по вам тем более видно, что вы не местные. Нынче время такое, что народ скор на расправу с чужаками.

В отличие от Усть-Усы, окружённой сплошной стеной, здесь оборонялись очагово, огораживаясь анклавами. Городок был явно больше и здесь исходили из практичности, как скупивались: семьями, знакомыми, так и строили заграждения.

С газом здесь было такое же чудо, как и в Нарьян-Маре: каким-то образом он доходил до потребителя. Выборный комендант города (вахтовики не удивлялись этим революционным нововведениям) до которого сопровождал посланный с поста молодой парень, дал им трёхкомнатную квартиру на первом этаже пятиэтажки. Судя по кровавым следам на обоях, здесь кого-то убивали, но это никого не смущало. Естественно, возник спор из-за комнат. Редькин с Витьком Михайловым безоговорочно заняли комнату средних размеров. Понятно, что к ним никто не вселится. Споры и крики не помогали, пока к ним не зашёл Инженер и не улёгся посреди комнаты между стоящими вдоль стен кроватями:

– Я буду кашлять и чихать, чтобы вас заразить. А хоть и убивайте, не уйду!

И Редькин с Михайловым перебрались в самую маленькую комнату. А в эту заехал Инженер с Доктором. В большой зале расположились остальные.

Время было почти два часа дня. Обедали в тишине, Инженер, отказавшись от обеда, сразу лёг спать. Уже после обеда, Редькин с Витьком, всё о чём-то шептавшиеся, выскочили за дверь. Лапшунов, обрадовавшись их отсутствию, побежал греть воду для ванны. Мякинин завалился спать.

Проснулся Михаил от громких разговоров, глянул на часы: шесть вечера. Хорошо поспал, чувствовал себя бодрым. Вернулись Лёха с Витьком явно навеселе, с собой ещё принесли початую бутылку какой-то мути. Говорили громко, с матерком, без живого литературного слова, смеялись и снова говорили. Вдвоём забрели на кухню, загребли из шкафа какую-то консерву из тех, что заботливо были расставлены Фархадом на ужин, открыли на закуску.

– Эй, оглоеды! Я кашу сварил, добавьте тушёнки! – крикнул им Фархад.

– Молодец, всё, отвали! – поблагодарили его.

Миша, во сне державший пистолет под подушкой, когда встал, сунул его сзади за ремень, сейчас нащупал рукоять. Пристрелить обоих, местным сказать, что обратились. Да, собственно, плевать! Он готов был сейчас их пристрелить. Время и беззаконие позволяло. Мякинин медлил. Из комнаты выбежал Доктор Попов:

– Инженеру совсем плохо! Температура под сорок, бредит, без сознания. Мужики, в аптеку надо сгонять, или что у них тут.

– Надо то что? – Вырос в коридоре Бетке.

– Пенициллин, жаропонижающее.

– А что, нет пенициллина в аптечке?

– Нет, не положили твои тупорылые буржуи того, что необходимо для жизни. Хотя, откуда им же знать? Их свои личные врачи в золотых дворцах обслуживают! – завёлся Доктор.

– Так ты напиши, что взять-то! – повысил голос и Саньч.

– Вот, – Серёга протянул список, написанный детским розовым фломастером на куске обоев.

– Фархад, ты со мной, Мякинин – ты за старшего!

– Ага, – съехидничал Миша, красноречиво посмотрев в сторону сидящих за столом Редькина с Михайловым.

Металлическая дверь с расшатанным замком закрылась за вышедшими. Мякинин, шумно вздохнув, сказал:

– Я на улицу курить.

Лапшунов выскочил за ним:

– Я с тобой.

«Вот и побыл один!» – с досадой подумал Мякинин.

Солнце закатилось за вершушки сосен, но не ушло ещё за горизонт, поэтому на улице было достаточно светло. За соседней пятиэтажкой виднелся забор из профлиста, для верности подпёртый изнутри кольями. Прямо посреди двора собрались в кружок и о чём-то беседовали четверо вооружённых мужиков. Они с настороженным любопытством оглядели вышедших из подъезда гостей их городка и взглядами проводили до скамейки, куда те уселись.

Было тепло, градусов десять, наверное, хоть безоблачная ночь и обещала заморозок. Всё же они уже далеко отъехали южнее Нарьян-Мара, но всё ещё были на севере. Михаил закурил, сделал несколько затяжек, посмотрел на молчащего Лапшунова. У него был настолько несчастный вид, что Мякинин решил заговорить с ним.

– Чего не остался? Глаза у тебя сонные какие-то, спать бы лёг.

Саня шумно вздохнул, помялся, выдавил из себя:

– Редькин же предупреждал, что продолжит. Он как раз пьяный, то есть храбрый, а я не готов.

Михаил рассмеялся.

– Что смешного?

– Понимаешь ли...

Мякинин затаился, выдохнул дым.

– Редькин вряд ли тебя будет снова доставать. Ты его и в самом деле победил в драке. Он, ты не поверишь, боится драться с тобой.

– Однако он здорово отравляет мне жизнь.

– Ты, Саня, извини за откровенность, но сам в этом виноват.

– А что я ему сделал?

Миша, докурив, швырнул окурок в урну (надо же, тут выносили мусор!).

– Я, кажется, всю жизнь имел дело с такими как Редькин. В армии, в уголовном розыске. Так часто, что сейчас мне кажется, что таких, как Лёха, большинство. Он агрессивен, драчлив и одновременно труслив и подл. Хорошее обращение к себе он принимает за слабость. Помнишь, как ты его на «вы» называл целый месяц? Я уверен, ты думал, что делаешь ему честь, ставишь на одну ступень с собой и выказываешь ему уважение. Нет! Ты потерял уважение в его глазах, и он всё время пытался сорвать на тебе плохое настроение и просто так, разрядиться. Такие как он понимают только силу.

– Как волки в стае?

– Нет, шакалы. Лёха из тех, что царапают чужую машину, которую кто-то поставил на якобы его парковочное место, он побоится сказать в глаза водителю, вдруг он окажется сильнее. Культурно попросить – это унижение. У него свои понятия порядочности: воровать – это хорошо, только у своих – плохо. Нет понятия «у тебя украли», есть понятие – «ты просрал». Он не держит слова, тем более, данное не своему, он готов умереть не за Родину, а за «кореша». Хорошая новость: большинство редькиных не занимается спортом, зато любят выпить, а на следующее утро вспоминать, кто, где и как начудил. Хами ему, веди как победитель. Поверь, такие как он ломались у меня в кабинете после первого же удара в печень.

– Так это правда про ментов и пытки?

Но Миша не успел возразить, как из тёмного подъезда в светлый сумеречный двор выбежал Доктор.

– Мужики, по ходу, Инженер ушёл.

– Куда ушёл? – не поняли Миша с Саней.

– Не знаю, в Ирий, в Рай, в Вальгаллу. Помер, в общем! – повысив голос, как на непонятливых детей, ответил Попов.

– Врёшь!

Вбежав в квартиру втроём переположили и двух остальных бурно выпивающих огненную воду вахтовиков. Докторский фонарик валялся около кровати, где лежал на животе, свесив

вниз правую руку, Варламов, зловеще, по-киношному, освещая комнату, которая уже погрузилась в сумрак. Витёк протиснулся через всех, подошёл к Олегу, деловито, будто врач, пощупал пульс, перекрестился, первый раз на памяти соратников, прочёл свою короткую заупокойную:

– Хороший парень был Инженер, пусть Господь хранит его душу!

И тут же наказал Редькину:

– Лёха, тащи свечи!

Редькин принёс связку церковных свечей, добытых им с Михайловым в вылазке в город. Никто даже не стал интересоваться, где они их взяли. Олега перевернули, сложили руки на груди, вставили меж пальцев свечу. Две других воткнули в горшки с давно увядшими цветами, развешанными на стенах, третью поставили в канцелярский пенал на подоконнике. В наступивших сумерках создалась атмосфера часовни, куда на ночь принесли на отпевание покойника.

– Пожалуй, я здесь спать не буду, – заволновался Доктор, – Помогите перенести кровать.

Мякинин, отодвинув растерявшегося Лапшунова, начал помогать Попову. Витёк с Лёхой куда-то незаметно исчезли, наверное, пошли поминать.

Олдскульную кровать, разборную с деревянными спинками, поставили в зале пока посередине, рассчитывая сделать перестановку, когда вернётся Бетке с Фархадом. В одной из комнат кто-то вскрикнул. Попов с Михаилом ринулись туда.

В комнате с покойником в соседнем углу стоял, будто наказанный, Лапшунов. Около кровати с Олегом – Редькин, поставив ногу для удобства прямо на эту кровать рядом с локтём Инженера. Худенькие церковные свечи слабо освещали комнату, и Мякинин, приближающийся к Лёхе, слишком поздно увидел дуло беткинского карабина, нацеленного ему в грудь – уже нельзя было нырнуть обратно в коридор в спасительную тьму, а хватать за ствол было себе дороже.

– Что за хрень тут происходит? – прозвучал прямо над ухом Михаила голос Доктора, следовавшего за ним.

– У нас есть для вас новости, – произнёс Витёк, перекрывший сзади проход в коридор и легко без волнения, поигрывающий в руке редькинским мачете.

Психолог

– Проходите, присаживайтесь.

Спортивный крупный, и вместе с тем поджарый мужчина, лет пятидесяти, с густой проседью, по светлым волосам, зачёсанным назад, с хрустом сел в кожаное кресло. Строгий взгляд цепко оценивающе пробежался по Психологу.

– Меня зовут Вячеслав Яковлевич Морозов, – представился мужчина. И повелительно предложил:

– Спрашивайте.

Психолог выдержал короткую паузу, приручая собеседника, не улыбаясь, заглянул в глаза ему не менее строго, чем тот пытался смотреть полминуты назад.

– Я хочу услышать вашу историю лаконично и с самого начала.

Морозов кивнул, принимая правила игры, начал рассказ:

– Я бизнесмен. Крупный бизнесмен. У меня доли в компаниях, принадлежащих, точнее принадлежавших, первым лицам нашей лапотной страны. Официально у меня крупнейшая сеть дорогих ресторанов класса «люкс» «Капитан Грант». Я продюсер, благотворитель и ещё чёрт знает кто, забываю, кем там меня обзывают мои креативные менеджеры, которым я плачу, точнее платил, огромные деньги.

В тот самый день утром я заехал в кофейню со своей подругой, топ-моделью и участницей музыкальной поп-группы «Герберки» Стасей. После завтрака она ушла первой, я – минут через пятнадцать. Мы всегда так делали, когда проводили ночь вдвоём. Соблюдали, так сказать, конспирацию ради приличия. Папарацци? В лучшем случае они получили бы инвалидность, если б они сделали хоть одну фотографию. Это же Россия, и я принадлежал к касте неприкасаемых. Итак, вернёмся к началу.

Я вообще не слушаю новости и не смотрю за политикой, для меня это другой мир, в котором меня нет. Я жил другими принципами, мерами, понятиями, не знаю даже как ещё назвать. В общем, с этим миром я и столкнулся, выходя из дешёвой для меня, и как оказалось, дорогой для черни кофейни. На парковке на мой тюнингованный «Гелендваген» ссал прямо на водительскую дверь какой-то подвыпивший маргинал, два других существа, стояли чуть позади с бутылками пива в руках и веселились. Я так обалдел от такой наглости, что просто замёрз на месте. Это мне, с которым первыми бегут здороваться бывши воры в законе, а ныне известные успешные бизнесмены, для которых приказать убить человека, что пыль с вазы протереть, мочатся на машину! Мне, которому сам Президент вручал Орден Мужества... Стоп! Или «За заслуги перед Отечеством»? Блин, не помню. Ну, в общем, наглость была просто несусветная. Я им сделал замечание. Если опустить мат и крик, я сказал им что-то вроде: «Что ж вы, люди добрые делаете?». Тачка, дорогой костюм, властный голос, обычно ставят человека на место, но не в этот раз, не в дни Апокалипсиса.

– А личная охрана? – поинтересовался Психолог.

– Эти быки только мешались мне. Моя охрана – само государство, причём в буквальном смысле, а не в аморфном, в котором его представляют обычные граждане. Стоит кому-либо на меня косо посмотреть, так сам Гарант Конституции вступится за меня. А у него в подчинении такие орки, что за собой оставят выжженную пустыню.

– Однако это не помогло ни ему, ни кому-либо ещё.

– Ну, об этом спрашивайте не меня. Я продолжу свою историю. Мы остановились на том, что я сделал замечание. Ближний ко мне пьянчуга запустил в мою голову бутылкой. Было больно и обидно. Второй бросился под ноги, пытаясь свалить. Короче, свалили, пинали, причём явно не с целью убить, а унижить, вывалить в пыли. Не взяли ничего: ни ключей от машины, ни один из трёх дорогих телефонов, ни бумажника и ушли задорно гогоча. Господи,

у меня давно такого не было, когда ярость перевешивает любую физическую боль. Я попробовал дозвониться начальнику ГУВД Москвы, его замам, в Московскую прокуратуру и – ничего! Кто-то сбрасывал, кто-то не отвечал, кто-то был недоступен. Тогда я начал догадываться, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Я позвонил своему помощнику, тот должен был быть в центральном офисе, но он был в больнице, сказал, что заразился эпидемией, от которой все становятся сумасшедшими. Я ему предоставил выбор: брать пилюли, которые ему там выпишут эскулапы и ехать в офис, или искать другого работодателя. Поехал он туда или нет, я так и не узнал, потому что дальше событий стали развиваться с бешеной скоростью.

Я решил съездить домой, проверить как там и что, сходить в бассейн, пообедать, а потом уже поехать в офис. Жене специально не стал звонить, потому что она уже несколько дней подряд талдычила про какую-то эпидемию и слушать её панические возгласы лишней раз мне не хотелось. Живу я на Николиной Горе, что на Рублёвском шоссе, где обитают лучшие люди нашего многострадального царства. Навигатор рисовал мощную пробку на МКАДе, зато центр Москвы был почему-то почти свободен. Оказалось, центр был перекрыт гвардейцами, я сверкнул удостоверением полковника ФСО и проехал без проблем. А вот дальше начались пробки...

– Полковника ФСО? – переспросил Психолог.

– У меня ещё есть удостоверения полковников центральных аппаратов МВД и ФСБ, – похвастался Морозов и продолжил:

– Объезжая по улице, кажется, Герасима Курина, я почти не влетел в бок перегородившей дорогу «Газели». Два молодых качка в футболках грузили в машину какие-то ящики из магазина с развороченной входной дверью. Мне было до лампочки их мародёрство, но грузовик с моего пути им надо было убрать. Я попросил их это сделать.

– Так же, как попросили тех писунов не поливать вашу дверь? – С улыбкой спросил Психолог.

– Да. Но, выйдя из машины, я предусмотрительно вытащил «Глок» из «бардачка» и, когда качки снисходительно послали меня на три буквы, не остановив свою работу, я его достал.

Я не собирался убивать этих двух оболтусов, выстрелил по «Газели», услышал стук пули по металлическому кузову. Качки тут же дружно нырнули за машину и побежали прочь. Ха! Настроение у меня поднялось, хоть кого-то я сегодня утоптал. Но слишком поздно я понял, что испугались они не меня.

За спиной я услышал довольно странный звук, как будто с десятков пьяниц одновременно начали блевать – то ли урчание, то ли рычание со вздохом. Я обернулся и увидел этих самых заражённых эпидемией. Они толпились около машины, двое с интересом заглядывали на водительское сидение, дверь была открыта. Семь или восемь направились в мою сторону, за машиной я увидел ещё идущих ко мне. Они были похожи на нарядившихся в зомби фриков: зубастые, с синяками под глазами, одетые в какое-то грязное тряпье.

Я сказал себе: ну всё, хватит придурков на сегодня! Стрельнул у них над головой – никакого толку. Первому я выстрелил в ногу, тот остановился только на секунду и то из-за инерции пули, следующую пустил ему в грудь, снова без толку, лишь тёмный фонтанчик крови. В «Глоке» семнадцать патронов и стреляю я неплохо, так как регулярно хожу в тир, но до меня им оставалось несколько шагов, я чувствовал их паршивый запах, включивший во мне инстинкт самосохранения быстрее, чем их странный вид. Я бросился бежать вниз по улице, обогнув «Газель».

Я отмахал полтора километра и, запыхавшись, выбежал на Рублёвское шоссе, по которому катился неспешный, постоянно застревающий поток автомобилей. Между ними ходили эти самые больные, колотили по стёклам руками, рычали. Почти непрерывно визжали клаксоны, крики и матерщина водителей. И ни одного полицейского, ни одного военного! Кого-то выскочившего из машины с бейсбольной битой против этих зомби, сами же зомби свалили и,

нагнувшись, начали что-то с ним делать. Никто даже не остановился спасти мужика. Я тоже со своим пистолетом в руке стоял, разинув рот.

Нужно было остановить машину и убраться подальше, к тому же мои преследователи нагнали меня. Я как зомби бросился среди машин, колотя по капотам, стёклам, кузовам, прося помощи. Никто не останавливался. Увидел соседей: семью Рухляковых, Рухлячиха, увидев меня, заорала, состроив брезгливую рожу. Наверное, приняла за этих больных. Хорошо, что меня увидела преподаватель испанского, которая учит моих детей и детей одного моего друга. Она остановила свою дешёвую «Киа» и пустила меня на пассажирское сидение. И, как оказалось, тоже не просто так. Сама она из Лобни, одна воспитывает двоих детей. Прожужжала все уши, что неплохо было бы приехать ей с детьми под мою защиту. Она не справится, а у нас гвардейцы, ЧОПовцы, личная охрана. Я пообещал, просив приехать завтра утром, зная, что сегодня уже попытаюсь свалить отсюда. В общем, доехали, хоть и долго получилось в этом непрекращающемся потоке пробок.

У меня есть паспорт пилота, и есть частный самолёт. Есть большой бронированный внедорожник «Конквест Найт», или по нашему «Крестonosец», куда я со своими двумя пацанятами загружал вещи под неумолкающие паникёрские крики жены:

«Ты звонил Насте? Я дозвонилась. У них в Лондоне вообще кошмар творится. Заражённые, уличные банды, все убивают друг друга. Какой ужас!».

Настя – это моя старшая дочь. Учится в Лондоне. Сейчас мы ей ничем не поможем, надо спасти то, что есть.

«Соседний посёлок грабанули. Люди какие-то из нищевродов. Приехали человек двадцать. Убивали, насиловали, наверное, по ним стреляли, они стреляли в ответ. Отбились от них. Успели поджечь один дом, но его пожарные потушили. Ночью всё было. Что это, Слава? Конец света? Революция? Что мы всем им сделали?»

Я выкинул из грузовика всякие шубы, платья, драгоценности. Лишний перегруз самолёта не нужен, а за рубежом у меня столько денег, что я могу купить пол Африки.

– А куда лететь собрались?

– В Австрию. У нас там вилла в Альпах. Я был уверен, что такой бардак только у нас, педантичные австрийцы точно уж чего-то и как-то организовали.

До аэродрома, нигде не обозначенного на картах и где стоят частные вертолёты, богатых и значимых людей, километров десять по лесной дороге, на которой шлагбаумы и посты.

– Вертолёты? – удивился Психолог, – Вы говорили про самолёт.

– Да, про самолёт. Один у меня на аэродроме «Жуковский», а второй в Чкаловском. Не на машине сквозь пробки туда добираться же! Поэтому лететь нужно частным вертолётom.

Морозов продолжил:

– Я говорил про посты и шлагбаумы. Посты были покинуты, шлагбаумы открыты, но это нас не смутило.

Аэродром был занят военными. Они организовали контрольно-пропускной пункт в домике охраны, усилив его мешками с песком. На КПП стояли сразу несколько вооружённых «калашниковыми» солдат. Я показал удостоверение полковника ФСБ и в разговоре выяснил, что они относятся к военным лётчикам и им приказали занять этот аэродром. Я попросил отвести меня к кому-нибудь главному. Один из бойцов зашёл на КПП и, по-видимому, позволил куда надо, затем вышел и сказал, что все останутся здесь, а я пойду за ним.

В вертолётном ангаре вояки организовали штаб. Стол, на нём старинный телефон, около стола три стула. Молодой, лет тридцати пяти, подполковник, усталыми глазами едва глянул в моё удостоверение.

«Чего надо?» – грубо спросил.

Я хоть и не служил в армии, но у меня в институте была военная кафедра, и я знаю, что он должен встать из-за стола и отдать мне воинское приветствие. Два других офицера, майор

и капитан, сидящие на двух из трёх стульях, неприязненно на меня смотрели. Качать права было рано, но я начал заводиться.

– Мне нужно забрать свой вертолёт», – сказал я и соврал на всякий случай:

– Это секретное поручение Правительства.

Подполковник отмахнулся:

– Нет больше ничего своего. Идите домой.

Тут я взорвался:

– Да ты знаешь, с кем разговариваешь?! Я сейчас позвоню, и ты сразу с должности слетишь!.

Я выхватил сотовый и начал искать номер одного из генералов Министерства обороны. Удивительно, но никто даже не попытался отнять у меня мобильник. Ещё более удивительно, что я сразу дозвонился.

– Сергей Николаевич, приветствую! Ваши военные мой вертолёт у меня забрали. Ага, сейчас дам трубку!

Подполковник без тени какого-либо трепета перед генералом, что военным не свойственно, взял у меня сотовый.

– Алё... Сами представьтесь... А я папа римский Иоанн Павел восьмой... Я вас не знаю и вживую не вижу... Какая разница, какое подразделение? ... ВВС... переименовали, и что?

Было слышно, как мой генерал орёт на подполковника, а тот его культурно посылает лесом. Наконец офицер вернул мне мобильник. Генерал был ещё на проводе.

– Я этого так не оставлю, – сказал он, – жди, Вячеслав Яковлевич!

Я пододвинул к себе стул, собираясь на него сесть. И тут взорвался подполковник:

– Ты куда, блин, зад свой пристраиваешь? Встал и вышел отсюда!

Не дожидаясь моего ответа, он позвал:

– Васин, Магомедов!

В ангар вошли два весёлых гуся: один белый, другой чёрный, под два метра ростом и шириной с мой «Крестonosец», возрастом тянувшие на сверхсрочников.

– Вышвырните этого мудака за КПП.

Я пытался сохранить лицо, отпихивая их от себя, заверяя, что пойду сам. Мне врезали под дых, завернули за спину руки и провели, нагнув почти раком, через весь аэродром. Для меня даже открыли ворота, чтобы подчеркнуть унижение, а кто-то из этих мордovorотов врезал мне обидного пинка под зад. И это всё на глазах у жены и детей! Их всемогущий муж и отец лежал, униженный, в весенней грязи. «Глок» чудом не вывалился из наплечной кобуры под курткой, но я про него забыл. Я понял, что схожу с ума, медленно поднялся, не смотря никому в глаза, сел в машину, чтобы ехать домой.

Всю ночь я просидел внизу в гостиной с боевым «Ремингтоном 700» на коленях, периодически задрёмывая и вздрагивая от каждого постороннего звука. И хоть это мне было трудно понять и сказать даже сейчас, но я достаточно был мужественен в ту ночь, чтобы признаться самому себе в том, что я обычный человек. До этого дня я считал людей слабыми, а себя сверхсильным, наслаждался тем, насколько я превосхожу их всех. Единственное во что я не верил, что это навсегда. Я имею в виду зомби, тех военных, забравших вертолёт и весь этот хаос. Скоро всё закончится, только надо переждать.

Утром приехала та самая преподаватель моих детей из Лобни, которая меня подвозила. В вертолёте она была мне не нужна, так как он просто не выдержал бы перегруз, а мой самолёт уместит всех запросто. А до него нам придётся добираться на машинах. Сутки назад я бы послал её подальше, но я вдруг стал более человечным. Вещей у неё почти не было, и мы все утрамбовались в мой огромный внедорожник. Чёрт, я был мягкий как пластилин в то утро!

Итак, мы поехали. Решили ехать всё-таки в Чкаловский, там народу на порядок меньше, чем в Жуковском и Раменском, а значит меньше этих больных уродов. Москву объезжали

далеко, аж по второй бетонке, делая сумасшедший крюк по менее населённой местности. Сейчас, спустя несколько месяцев после начала Хаоса, я бы ни в коем случае не поехал один с семьёй, когда вырвавшиеся из городов голодные стада оживших мертвецов бродят везде, когда объединённые банды разбойничают на дорогах. А тогда было много беженцев, полицейские и гвардейцы дежурили на трассах. Выходили мертвецы, прямо на дороге люди обращались в зомби. Я расскажу об одной такой показательной истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.